

Полина Сутягина

От Огненной Земли до Острова Пасхи

Дневник
путешественницы

18+

Полина Сутягина

**От Огненной Земли до Острова
Пасхи. Дневник Путешественницы**

«Автор»

2016

Сутягина П.

От Огненной Земли до Острова Пасхи. Дневник Путешественницы
/ П. Сутягина — «Автор», 2016

ISBN 978-5-532-05760-9

История путешественницы, в одиночку отправившейся в Южную Америку... От пустыни Атакама до ледников Огненной Земли, по просторам аргентинской пампы и отрогам величественных Анд, сквозь веселье уругвайского карнавала и традиционных фиест северной Аргентины, через острова пингвинов и тайны истуканов Острова Пасхи. В поисках себя и устойчивого развития автор отправилась в Южную Америку, где провела тринадцать месяцев, работая волонтером, путешествуя автостопом, живя в коммунах и резервациях, она выучила чилийский и аргентинский вариант испанского языка и открыла, что мир гораздо дружелюбнее и безопаснее, чем кажется со стороны.

ISBN 978-5-532-05760-9

© Сутягина П., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Часть первая	5
Начало	5
Прощание	6
Куда и зачем	7
Небольшая качка не повредит	8
«Mi Buenos Aires querido»	9
Бродяга в Сантьяго	10
Ошо и медиа	12
Ваш рейс отложен	14
Я, душ и два чилийца	16
Так похоже на Россию, только все же не Россия...	18
Семейная идиллия	20
Чилийское время, чилийский язык и чилийский юмор	21
Вечерняя рапсодия	23
Боррачос, перо буэн мучачос	24
Под иными звездами	26
Подокарпусовый лес	28
Мосты, дороги, автостопщики	29
Руса лока	30
День Лесов	31
Очередная перемена планов	34
Гауча	37
Чиле-Чико	39
На маяк	42
Shower girl	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Полина Сутягина

От Огненной Земли до Острова Пасхи. Дневник Путешественницы

Часть первая

Начало

Легкая прохлада вечернего воздуха и запах сырой земли смешивались в чарующее ощущение свободы. Я чувствовала себя почти невесомой, сбегая, нет, прямо-таки танцуя, с холма рядом с маленьким эльзасским городком. Наверное, это началось именно здесь.

Сонное светило устало цеплялось лучами за влажные ветви деревьев. Внизу звонил колокол. Я не боялась опоздать на поезд до Страсбурга. Всегда такая организованная и правильная, здесь, на земле моих предков, я, наконец, отдавала себя себе. В тот момент я не думала, что вернувшись, вновь погрязну в обыденности московской жизни, работе...

Нет, я была абсолютно по-детски счастлива. Два года назад, ощутив прикосновение холодных тихоокеанских вод к своим ступням на камчатском берегу, я что было сил кричала от этого чувства, здесь – я танцевала, сбегая вниз с Вогезов¹.

И все же я вернулась.

Сменив несколько работ, я осознала, что нет более сил утыкаться в одну и ту же стену. Офисы, лаборатории – все было едино. Клетка для хомячка с приделанной к ней кормушкой. Размеры клетки и содержание кормушки не меняют сути вещей.

«Власть несбывшегося» – так называл это чувство Александр Грин². Власть сия так тяготила меня все эти годы, что я решила: пусть сбывается!

В ноябре 2014 года я воплотила одну из моих детских мечт, посетив самый южный город Земли – Ушуайю³. И Огненная Земля полыхнула во мне уверенностью: пора исполнять свои детские мечты. Зачем ждать до старости? А потом дрожащими руками перелистывать желтые страницы несвершенного?

Нет. Хватит. Я слишком долго ждала. Мне говорили: «какие твои годы...» Ненавижу это выражение! Какие-никакие, а все мои. И если все откладывать, то они, сколько б их ни было, утекут сквозь пальцы, оставив на них лишь пожухлую кожу с вплетенными синими жилами.

Я закрываю трудовую с очередной печатью и убираю ее в ящик. А вместо нее достаю загранпаспорт. Пора отправиться в новую авантюру. Такой у меня еще не было.

¹ Вогезы – горная цепь в восточной Франции, захватывает часть провинции Эльзас.

² Грин А. «Бегущая по волнам».

³ Город на юге Аргентины, на острове Огненная Земля.

Прощание

Я так и не научилась прощаться. Очень забавно, как я каждый раз готовлю себя, что скажу тому, что – этому, когда кого следует оповестить.

С одной стороны, для меня очень важен этот обряд завершения. Перед поездками стараюсь раздать всем долги – какие-то обещания, книги. Произвожу генеральную уборку, выбрасываю хлам.

Как бы только научиться проделывать тоже самое с собственной головой...

И вот наступает момент. Однако вместо того чтобы выдохнуть перед прыжком, я сжимаюсь в комок и не могу выпустить своих чувств. Говорю «пока» и ухожу.

Совершенно также суечусь перед отъездом – мечусь в поисках последних вещей, проталкиваюсь в метро с рюкзаком, прыгаю от нетерпения в очереди на регистрацию, избавляюсь, наконец, от ненавистного багажа, забираюсь на борт, пристегиваюсь... и все! Вы-ды-хаю...

И как мне удастся проводить столько времени своей жизни в постоянном напряжении? Вы могли бы сутки не дышать? Мне кажется, что я уже могу.

Люблю это чувство, когда шасси отрываются от взлетной дорожки, немного вжимает в спинку кресла и все остается там, на земле. А ты – нет.

Сидя в самолете, всегда вспоминаю фильм «Французский поцелуй», тот момент, когда главная героиня, панически боящаяся летать, встречается на борту со своим будущим спутником. И этот импозантный усатый француз начинает ее искусно отвлекать от происходящего. «А я, я люблю летать, – говорит он ей, – это чувство, напряжение растет... и пух, ты уже в воздухе! Все остается позади... Я могу сравнить это лишь с одним ощущением...» Да, не могу не вспомнить и озорно улыбаюсь в иллюминатор.

Куда и зачем

Мы собрались на кухне всей семьей. Завтра я отбываю в дальние края, а, значит, пришло время наконец объявить о моей аванюре всему семейству.

– Вот я только одного не пойму, – после некоторого молчания говорит мой дедушка, – а чтобы найти себя, обязательно ехать к черту на кулички?

Резонный вопрос. В свое время я немало думала над ним. Далеко не первый раз мне хотелось все бросить и сбежать куда-нибудь на край земли. Но я всегда очень отчетливо понимала, что сбежать можно от чего и кого угодно, кроме себя самой.

Но ведь теперь я не бегу от, а еду за. Как герой романа Урсулы Ле Гуин⁴, долгое время бежавший от своей тени, обретает себя, только развернувшись в обратном направлении, начав преследовать ее и, в конце концов, нагнав.

– Обязательно, – твердым голосом отвечаю я.

Итак, что же мне предстоит. Для начала – два месяца в дикой чилийской провинции и два волонтерских проекта. А что уж там будет – покажет сама жизнь.

⁴ «Волшебник Земноморья»

Небольшая качка не повредит

Ночка выдалась непростая. Проведя десять часов в стамбульском аэропорту, загружаю свою уже мало что осознающую тушку в «Боинг», который в течение часов четырнадцати будет переправлять меня через большой и синий Атлантический океан.

Все кажется почти домашним. Неудивительно, ведь только два месяца назад я пересекала океан на самолётике этой же авиакомпании.

В первую зону турбулентности мы вошли где-то над Италией. Вначале как обычно слегка потряхивало. Сказать по правде, я турбулентность люблю. В этом явлении есть что-то естественное. Если задуматься, мы загружаемся в эти консервные банки с крыльями и, сидя как будто в каком-то междугороднем автобусе, огибаем пол земного шарика! Ну, должно же что-то оставаться от сил природы, согласитесь?

Вначале я неблагоприятно даже пристегиваться не стала. Что я, в турбулентность не попадала? Эка невидаль – потрясет маленько, да и будет. Но когда стакан на столике начал подпрыгивать, да и сам столик вместе с ним, я непроизвольно потянулась за ремнем. Ну нафиг.

Как говорят мусульмане, верь Аллаху, но верблюда все же привязывай.

Итак, верблюд был благополучно привязан, а я наслаждалась миниатюрными американскими горками. После двух самых сильных прыжков народ очень слаженно попискивал, а вот наш ряд пробивало на смешки. Люблю я все-таки турбулентность...

«Mi Buenos Aires querido»

5

Ощущение совершенно дурманящее – лето в Буэнос-Айресе! Ведь всего два месяца назад я покидала весеннюю столицу Аргентины, не подозревая, что столь скоро вернусь сюда. Впрочем, на сей раз мое пребывание ограничивается шестью часами. Пограничник ставит штамп о выезде из его страны прямо под совсем еще свежим штампом его коллеги из соседнего терминала. Поскольку мой прилет и вылет происходят из одного и того же аэропорта, но из разных терминалов, я получаю счастливую возможность прогуляться от одного к другому, вдыхая влажный тропический воздух. Ночь освещена всего несколькими фонарями, бросающими потусторонние блики на неестественно для жителя умеренных широт отполированные листья фикусов.

Мой терминал кажется совсем вымершим. Из персонала – только уборщики. Вылетов отсюда немного, да и те все с утра, мой тоже. Продолжаю практику дрема в аэропортовых креслах, обнимая свой маленький рюкзачок, а большой прижав к ноге. Как только удастся сдать багаж, я сразу активизируюсь. Меня больше ничего не привязывает к месту. Перемещаюсь туда-сюда по залу ожидания, иду опробовать любезно предоставленную турецкими авиакомпаниями зубную пасту, слоняюсь в темноте по улице рядом с аэропортом, все еще как бы в неверии трогаю неестественно гладкие листья фикусов, к удивлению скучающих охранников.

Завтра с утра меня ждет Сантьяго. Это тот редкий случай, когда я почти ничего не знаю о городе, в который отправляюсь. Признаться, к моей аргентинской поездке я занималась самообразованием значительно прилежнее, нежели к чилийской. Впрочем, и это неплохо – тем удивительнее все будет. А пока Чили для меня – самая длинная и узкая страна, состоящая из гор, вулканов и океана. Ну и, конечно же, вкрадчиво подсказывают мои геологические познания, крайне сейсмически активная область Земли. Учитывая, что мое предыдущее волонтерство было в Исландии, начинает закрадываться подозрение на некую связь между моими предпочтениями мест для волонтерской деятельности и местами стыковок тектонических плит.

⁵ «Мой Буэнос-Айрес, дорогой» (исп.), цитата из песни Карлоса Гарделя.

Бродяга в Сантьяго

– Ого, из России! – Такого неприкрытого удивления таможенников я еще не видела. – Всегда хотел там побывать, – улыбается мне молодой чилиец за окошком и просит подойти к камере и приложить пальчик к сенсору.

Его коллега у проверки багажа дурачится и хрюкает в рацию. Завидев мою улыбку, сразу же интересуется, откуда я.

– Русия?! А! Привет!!!

Вот так – «хорошо» и «привет» знают даже в Чили.

Зона прилета в Сантьяго оказывается достаточно маленькой, так что всякие сервисы – банк, аренда машин и прочие – перемещены в зал багажа, а небольшой предбанник перед выходом до предела забит назойливыми таксистами. Я с трудом продираюсь через них, пытаюсь спрятаться в угол и найти бумажку с названием нужного мне автобуса. Окошка информации тоже не видно. Тут-то я на свой рассеянный взгляд ловлю двух чилийцев.

– Давайте мы вам поможем! Мы здесь – информация. Спрашивайте, спрашивайте!

Ну ладно, думаю, а вот и спрошу.

– Мне нужно попасть на автобусную станцию «Лос Эроес» (Los Heroes), – героев то есть, «h»-то у них не читается. – У меня оттуда автобус.

– В городе?

– Да.

– Ну, тогда вам лучше всего подойдет минивэн, – улыбается мой информационный пункт.

«А, ну понятно теперь», – думаю, а сама достаю, наконец, свою бумажку с автобусами и протягиваю чилийцу.

– Мне нужен вот этот, его последняя остановка как раз «Лос Эроес».

– А он сегодня не ходит.

– Как это не ходит? – от удивления перехожу с английского на испанский. – Вот тут написано – «каждые 15 минут».

– А... этот... – Понимая, что его жертва не такая уж и потерянная, он отвечает: – Выходите и направо, там остановка.

Надо отдать должное моему мучачо чилено, он вышел со мной и еще раз подробно показал, куда идти. В итоге я села на самый обычный городской автобус и вместе с местными подростками и пожилой дамой покатила по окраинам чилийской столицы.

Сегодня вечером меня ждет ночной автобус. Погружаюсь в самый традиционный способ перемещения чилийцев по их длиннющей стране.

Представление о предстоящем опыте знакомства со страной ты получаешь уже в аэропорту. Впечатляющий длины переход от самолета до паспортного контроля как бы намекает, в какую страну попал.

Прибыв на последнюю остановку автобуса, я с изумлением понимаю, что никакого автобусного терминала здесь нет. Начинается типичная аргентинская эпопея с остановками. Это когда я бегаю от одного угла улицы к другому и спрашиваю у прохожих всех полов и возрастов «Донде?»⁶, а они (хоть бы один сказал – не знаю!) с подробностями объясняют мне, как туда добраться, направляя каждый в другую сторону от предыдущего. В этом смысле жители Сантьяго от обитателей Буэнос-Айреса не отличаются, а моя ситуация усугублена лишь двумя рюкзаками с каждой стороны тела. Вот такой двухсторонней черепашкой в теплых джинсах я скачу по двадцати с чем-то градусной жаре в центре чилийской столицы. Наконец, на одном из переходов натываюсь на пожилую даму из моего автобуса. Она ищет тот же терминал, чтобы

⁶ Donde – где (исп.).

оставить там в камере хранения свою тележку. Моя спутница оказывается мудрой дамой и выспрашивает дорогу в каждом ларьке, так что сообщая мы все же достигаем цели. Бабушка, автобусный терминал, камера хранения... Все как-то так по-русски. Мне сразу вспоминаются практики и походы, как мы, прибыв на поезде в какой-то город, бросали наши сумки на автобусной станции, чтобы побродить до вечера и отправиться дальше.

Как-то по наитию выхожу к главному политическому центру города, Дворцу Ла Монеда. Центр Сантьяго в середине буднего дня напоминает скорее Милан, чем город Латинской Америки. Преобладающий дресс-код – костюмы. «Старбакс» забит офисными кофеманами, но я вырываю себе уголок и впервые за время моего пути захожу в интернет⁷. Центр Сантьяго, надо сказать, кафе с бесплатным доступом не изобилует, и приходится прибегнуть к международной сети кофеен – варианту, подсказанному мне парнишкой из магазина сотовых телефонов. Сим-карт у них в этом терминале не оказывается, зато работники очень дружелюбные и помогают освоиться в незнакомом городке. Вообще, так приятно, что все максимально стараются понять мой испанский и помочь советом. Все-таки выражение «не знаю», столь частое в Москве, здесь, кажется, табуировано.

Итак, отправляюсь исследовать город в перерыве между транспортом. За эту неделю приходится забыть, что такое спать в кровати – самолеты, аэропорты, автобусы. Чистка зубов в общественных туалетах, а весь свой скарб на плечах.

Бродяга, что тут скажешь.

⁷ Здесь стоит заметить, что хоть и шел 2015-й год, путешествовала я исключительно с кнопочным телефоном. И, следовательно, интернет у меня был только, когда я могла подключиться на компьютере, а вместо навигатора – бумажные карты. Причем, как правило, сомнительной точности.

Ошо и медиа

Солнце уже уползло за чилийские пики. Его последние лучи бьют в стекла отъезжающего автобуса. Наш заботливый бортпроводник предлагает занавесить окошки, но я свое оставляю. На автобусе под названием «Южный Крест» покидаю напряженную и бурлящую столицу Чили.

Как и большинство столиц, Сантьяго – крупный, активный и деловой город. Ему нет дела до отдельных людей, он жарится на масле корпораций, банков, он исполосован магистралями, его центр одет в строгий пиджак, а окраина – в лохмотья.

Не стоило и сомневаться, что целый день мне здесь не проходить, если уж от Буэнос-Айреса я уставала за полдня. В итоге забираюсь на разлапистое дерево посреди паркоподобного клочка, зажато между двумя дорогами. С противоположной стороны улицы за моими действиями наблюдает местный бродяга. Он царственно устроился у подножия здания среди своих мешков и вальяжно листает газетку. «Ага, ага... – думаю я, раскрывая книгу, – мы с тобой одной крови...»

Мы вырुливаем за город. Пока, Сантьяго! Ты слишком большой для меня...

В невероятных пастельных тонах фиолетовых и розовых пиков тонут капли апельсинового джема. Закатный воздух небес так густ и ярок на горизонте, что хочется сравнить его именно с джемом. Он вспыхивает особенно интенсивно, соприкасаясь с темными очертаниями гор, и разливается по нежно-голубому небу, разбрызгивая розовые блики на редкие облачка. Зелень переднего плана смотрится еще более насыщенной на фоне этого нежного туманного зигзага горных вершин.

До самой ночи я не разрешаю задернуть штор. Но вскоре проваливаюсь в глубокий сон.

Автобус несется во мраке чилийской ночи, увозя своих пассажиров в 10-й регион. Страна эта разбита на регионы, пронумерованные сверху вниз. По этому же принципу продают и карты. Самое забавное, что до сих пор мне так и не удалось найти ни одной карты Чили целиком. Видимо, изготовив таковую, ее бы пришлось продавать в рулонах.

С утра просыпаюсь от прикосновения к плечу. Наш заботливый бортпроводник разносит завтрак. Я вот и не думала о таком сервисе, когда покупала билеты на междугородний автобус. Мне как-то больше вспоминались приводившие меня в ужас рейсы «Москва—Элиста» с коленками на ушах и техническими остановками на полустанках... Да, такое забыть невозможно.

Поспешно отдергиваю шторку и обнаруживаю совсем иной пейзаж. Заворожившие меня вчера горы пропали. За окном расстилается равнина, утопающая в густейшем тумане. Небо укрыто плотным одеялом серо-молочных туч. Хорошо бы обойтись без дождя.

Мы въезжаем в Пуэрто-Монт. Важный портовый городок был основан в Чили германскими эмигрантами. Но пока их влияние не очень чувствуется. Такое ощущение, что мы едем по скоплению разбросанных в произвольном порядке коробок и контейнеров. Надеюсь, что это не жилые здания. Новым откровением для меня становится тот факт, что автобусный терминал, где я высаживаюсь, вовсе не рядом с портом. Неподалеку мнетса одинокий таксист, громко предлагая мне свои услуги. Ну нет, мы пойдем своим путем. Я вежливо отклоняю его предложение и отправляюсь к двум чилийцам в форме. То ли со времени Аргентины и Барселоны я успела подзабыть испанский, то ли произношение здесь отличается от столь привычного мне аргентинского. Но как бы то ни было, а последние два дня я совершенно не понимаю чилийцев!

После долгого общения с охранниками я все-таки отправляюсь на поиски городского автобуса. Моя испанская пантомима явно «сделала их день».

На маленьком синем автобусе, скачущем по холмистым изгибам городка, попадаю в более опрятную его часть. Милые деревянные и жестяные домики напоминают гибрид немецкой портовой провинции и Рейкьявика. Однако расположение их совсем не отвечает педантичности

основателей города, да и состояние тех из них, что сделаны из дерева, оставляет желать лучшего. Зато рядом с каждым высажены цветущие розовые кусты. Прямо из груд мусора, которыми изобилуют обочины чилийских дорог, торчат пышные цветки с нежными закручивающимися лепестками.

Но вот город опять меняет свой облик. Дерево потихоньку вытеснено стеклом и пластиком, а этажность строений растет в какой-то хаотической последовательности. Совершенно невозможно определить Пуэрто-Монт как-то едино, настолько он беспорядочен во всех отношениях, даже субстрат бунтует под ним, то вознося часть домишек к небу, то сбрасывая разномастные строения вниз к океану.

После некоторого блуждания я все же попадаю в порт. С утра он пустынен, не считая полуспящего охранника. Днем это место наполнится толпами британцев. Но пока я подхожу к единственному живому субъекту здесь и интересуюсь, когда откроется офис «Навимага», корабельной компании. Чилиец поправляет лямку комбинезона и произносит: «Ошо и медиа». Какой-такой Ошо?! Он, видя мое недоумение, стучит по циферблату. Очо и медиа – ах, в 8.30. Ну, подождем.

Офис, конечно же, открывается не в 8.30, а в 9, о чем свидетельствует надпись на двери. За эти полчаса я уже ухитряюсь поболтать с местным, подошедшим купить билет на другой кораблик. Потом на пристани знакомлюсь с пожилой дамой из Сантьяго, и мы отправляемся вместе гулять по городу. Однако загадка чилийского испанского так и не дает мне покоя.

Ваш рейс отложен

Я слышала, что чилийцы религиозны, но не до такой же степени, думала я, когда распечатывала в Москве свой билет на корабль. Внизу в правилах мелким шрифтом, где обычно пишут что-то вроде «За форс-мажорные обстоятельства компания ответственности не несет», на моем же билете значилось: «и деяния Господа».

Деяния Господа, как выяснилось, случались здесь каждый рейс. Но когда я возвращалась после прогулки по Пуэрто-Монту в порт, уточнить время посадки на судно, я еще об этом не знала.

На мой вопрос сотрудница офиса совершенно невозмутимо ответила:

– Завтра в 8 утра.

Я смотрю на нее безмолвно, кажется, забыв как испанский, так и английский. Сзади слышу что-то вроде «Вот блин!» на испанском. Паренек за мной в очереди явно едет тем же рейсом.

– Но где же мне провести эту ночь? – теряясь в языках, спрашиваю. Такой подставы я от них не ожидала. Я тут стою такая, после двух с половиной дней дороги без дома, без душа, с двумя рюкзаками и только и мечтаю о своей каюте на четверых.

– Если вам негде ночевать, – неуверенным голосом говорит моя дама, – можно доставить вас на корабль сегодня в полночь. Сейчас я выясню, сколько еще людей в подобном положении, и закажу вам автобус.

Я покидаю офис. Ноги отваливаются, и куда идти – не очень понятно. Город я уже более или менее посмотрела. Выхожу на улицу и понимаю: если я тут буду тупить, так и придется до двенадцати ночи таскаться печально одной по этому странному городу. И я решаю брать быка за рога. А точнее – чилийца. Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и возвращаюсь к двери офиса. Через некоторое время она открывается и появляется мой чилийский товарищ по несчастью.

– Простите, не хочу вам помешать, но если вы тоже ждете лодку и вам нечего делать, может, пойдем гулять по городу вместе? Я тут особо ничего не знаю и не представляю, чем буду заниматься до вечера.

В итоге мы с Винсенто лазаем по городским холмам, общаемся на смеси испанского и английского, он учит меня чилийскому сленгу, а я его – русским словам. Воистину не знаешь, где найдешь, где потеряешь! Оказывается, мой новый знакомый – уроженец городка, соседнего с тем, куда я направляюсь. Он учится на адвоката, цитирует по-испански Карла Маркса, интересуется ботаникой и тем, как летают птицы и самолеты.

Вообще, тема Карла Маркса на испанском подозрительно преследует меня. Обычно, когда я рассказываю мою историю взаимодействия с этим языком, говорю, что моим первым учителем было танго. Действительно, более или менее планомерное изучение, если так вообще можно сказать применительно к моему испанскому, началось, когда я стала пытаться переводить лирику танго. Однако на самом деле эта история имеет более глубокие корни. Все началось года четыре назад в городе Рязани. Да, да! Мой первый учитель испанского был мексиканец, с которым я познакомилась в рязанском общежитии, когда одним летом работала в местном кремле на раскопках. В это время года университетские общежития весьма пустынные. На нашем этаже жили только мы с Ольгой, историком из Костромы, и Пабло. Пабло – уроженец южной Мексики, в свои почти уже пятьдесят приехал в небольшой русский городок изучать экономику. Вечера же он проводил в компании двух русских девушек. Мы ему читали Шекспира и Оскара Уайльда, а он нам – латиноамериканских поэтов.

Я помню, что, когда я так легко спросила нашего мексиканца, не научит ли он меня паре полезных словечек на испанском, он ответил: «Нет. Я не буду тебя учить отдельным словам.

Но, если тебе интересен испанский, я объясню тебе структуру». Он был первый, кто расписал мне спряжения основных групп глаголов в испанском, а также объяснил, что и в испанском, и в английском есть падежи. Просто слова не изменяются по ним, как в русском, но падежи от этого никуда не исчезают. Я тогда еще с ним спорить пыталась...

Но первое, что сделал Пабло, это объяснил мне правила чтения. Так, еще не понимая почти ни слова, я читала вслух по-испански... Карла Маркса труды! Это было первое, что оказалось под рукой у моего мексиканско-рязанского экономиста.

Я, душ и два чилийца

Нас покачивает из стороны в сторону. Такое ощущение, что у меня сильно кружится голова. Однако качает сам корабль. Мы вышли из бухты, и качка стала куда явственнее. Глаза слипаются, а обласканное чилийским солнцем лицо горит. Видимо, опыт навигации по каналу Бигль около Ушуайи ничему не научил меня. Хотя в этот раз волнами и не захлестывало, но ветер и солнце вновь превратили меня в индейца. Может, я просто маскируюсь, мимикрируя под местных? Но боюсь, что это не самый удачный способ. Меня не покидает ощущение, что в Чили я выделяюсь больше среди местного населения, чем это было в Аргентине.

Чилийцы имеют слегка монголоидный облик, в отличие от их аргентинских соседей. Это, безусловно, связано с протомонголоидностью коренного населения⁸. И по данному признаку можно догадаться, что смешение здесь происходило активнее, чем в Аргентине. Чилийцы – народ, как правило, коренастый и немного приземистый. Они кажутся какими-то «земляными», устойчиво стоящими на своих двух ногах. В аргентинцах больше ветра, хотя в устойчивости им также не откажешь.

Вчера во время ночной погрузки в автобус мы напоминали беженцев. Замерзшие, с кучей вещей, ничего не понимающие, говорящие на разных языках, все собрались к полуночи в портовом терминале, ожидая автобуса на наш отложенный рейс. Нам было разрешено прибыть на корабль заранее, хотя отплытие перенесли на утро.

Итак, в первый раз за всю поездку я, наконец, добралась до душа. Однако зная, какие многочисленные нюансы обычно бывают у меня в поездках с этим роскошеством, – то горячей воды нет, то холодной, – я решаю проверить его. Но не все так просто. В раковине меня ждут два отдельных крана без вентиля, но с кнопками, как то бывает в общественных туалетах, то есть нажмешь, а оно выдает лимитированное количество воды, и нужно жать еще раз. Но впервые вижу такую систему с отдельными кранами! С ужасом медленно поворачиваюсь к душе, ожидая обнаружить там вот такую же Британию в миниатюре. Но нет. Все гораздо интереснее: там просто ничего нет! После пристального досмотра обнаруживаю металлическую штуковину наподобие тех, что в раковине, торчащую из стены. О настройке температуры здесь речь не идет. Нажимаю – из душа сверху извергается поток воды вполне приемлемой температуры. Мою радость омрачает лишь одно небольшое обстоятельство. В отличие от раковины, в душе вода сама не останавливается. А останавливающего механизма, похоже, здесь не предусмотрено. У меня начинается паника. Мы ж на корабле, а значит, вода – еще более лимитированный ресурс, чем на суше! Тыкаю в кнопку снова и снова, но это лишь поощряет водоизвержение. Хорошо, что не голая, выскакиваю в коридор, ловлю первого попавшегося чилийца в форме и волоку к себе в душ, лепеча на испанском что-то о том, что мне нужна помощь. Смелый морячок бросается затыкать мой душ, но быстро осознав свою некомпетентность в решении водного вопроса, несется за уборщицей. Чилийка предпринимает аналогичные действия, не спасающие от душеизлияния. В итоге в мой душ прибывает помощник капитана. Да, Полина, молодец! Просто так мы помыться не можем, нам нужны еще два чилийца для этого!

Только что прибывший – высокий мужчина в белой рубашке – быстро принимает радикальное решение. Недрогнувшей рукой открывает дверцу в стене и закручивает вентиль. Потом подзывает меня и поясняет: «Захотите помыться – открутите здесь, – и смущенно улыбается, – Бенвенидо а Чили!» За дверью матросик тихонько похрюкивает в кулак. Ну что ж,

⁸ По одной из антропологических теорий все индейцы считаются потомками протомонголоидов (расы, позднее давшей монголоидную), перешедших из Сибири по Берингии на американский континент. Не знаю, как там было на самом деле, но перуанцы, боливийцы и жители северной Аргентины действительно напоминают лицами представителей некоторых коренных народностей севера России.

мучо вам грасиес, мужики, – спасли даму. В общем, чилийцы отправляются по своим делам, а я остаюсь наедине с душем и вентилем над унитазом.

В итоге кран-таки исправился и начал вести себя так же, как и те, что в раковине. Однако меня уже, кажется, запомнила половина команды нашего судна. Уже тот факт, что я русская, всех их очень забавляет, ну а теперь так и вовсе знаменитость.

Так похоже на Россию, только все же не Россия...

Наш кораблик идет по необычайно живописному проливу между материковой частью Чили и многочисленными островами. Даниэль, путешественник из Ганновера, шутит, что островов в Чили больше, чем жителей этой страны.

Вчера горы виднелись лишь вдали, синими пиками растворяясь в темных водах бухты. Но теперь совсем рядом с бортом проплывают маленькие черепахи спины, покрытые густой чешуей лесов. Кое-где желтыми пятнами проглядывают полосы песчаных пляжей, ярко выделяясь на стыке зелени островов и глубоко-голубой ряби воды.

Я клюю носом, сидя на палубе в лучах недавно проснувшегося солнца. Не выдержав этой борьбы, уползаю вместе с ноутбуком в кубрик. Крис, ассистент по работе с пассажирами на этом судне, подшучивает, начиная вслух придумывать предполагаемые строки, что я пишу. «Дорогой дневник, – говорит он из-за моей спины на хорошем английском, – сегодня я встретила одного чилийца...» На что я, обернувшись, продолжаю: «...который отлично говорит по-русски». Крис смеется и отвечает «спасибо», почти без акцента. Он действительно может немного изъясняться на русском, а еще прекрасно, что редко для чилийцев, говорит на английском, знает итальянский, немецкий и французский. Все дело в том, что Крис работал на круизных лайнерах, в том числе в Средиземноморье, и даже какое-то время встречался с русской девушкой белорусских кровей.

Удивительно, но именно в этой части мира мне попадают такие путешественники, которые не только интересуются самой большой страной мира, но многие из них бывали у нас или же имеют такое намерение. А для местных Россия кажется крайне любопытным и притягательным местом. Как и в Аргентине, меня по-прежнему изначально принимают за француженку, до того как я назову свою национальность.

За обедом мы садимся нашей небольшой компашкой: я, Винсенто, Даниэль и Линда. Линда – микробиолог из Голландии. Дома она работает в лаборатории при клинике, и потому мы в конце концов не выдерживаем и переходим к обсуждению нюансов гельминтологии. Наши спутники относятся к застольному разговору о червячках по-философски. При двух биологах за одним столом это неизбежно.

– По-моему, ты путаешь Чили с Колумбией, – говорю я Даниэлю, когда мы, сойдя с кораблика, пытаемся впихнуться в микроавтобусик до Айсена, ближайшего населенного пункта от порта Чакобуко.

– Нет, – отвечает Даниэль, который месяц до этого путешествовал автостопом по Колумбии, – если бы мы были там, то люди бы еще и вторым слоем сидели.

В Айсене пересаживаемся в автобус до Койайке. Там находится основной терминал и там же разойдутся наши пути. Койайке – точка моего назначения, Линде нужно в аэропорт Бальмаседа, а Даниэль пересекает границу и едет до Перито Морено, одного из небольших городков аргентинской Патагонии. Замечательный чилиец, спасший меня от одиночества в Пуэрто-Монте, крепко обняв на прощание нашу интернациональную компанию, покидает нас в порту.

Винсенто вместе с мамой живет под Айсеном, как здесь принято говорить, в эль кампо. Все-таки хорошо, что я его встретила. А ведь, если бы рейс не задержали, мы могли бы так и не познакомиться.

Потихоньку обрастаю чилийскими друзьями, а помнится, всего несколько дней назад грустила, что никого здесь не знаю. В Аргентине-то я изначально уже была знакома с несколькими людьми.

Вот так Чили становится роднее. Хотя и без того у меня здесь вечное дежавю. В Койайке – тополя, березки, деревянные домики, покосившиеся заборы... Если бы не араукарии, цветные

горы на заднем плане и качество дорог, можно было бы подумать, что я в российской глубинке. Даже испанский звучит как-то по-русски здесь. Если бы еще понимать все, что они говорят...

Хотя, конечно, зависит от ситуации, вот, например, в маленьком магазинчике мы славно обмениваемся кулинарными рецептами из манки с продавщицей. Я не знаю и половины слов, но мы прекрасно понимаем друг друга.

Семейная идиллия

«Отлично!» – целый день повторяет Виктор по-русски. Он подходит к телефону и говорит: «Да», «Отлично» и «Иди к черту!» – а потом смеется. Веселый чилиец с шикарной черной и курчавой шевелюрой – молодой коллега моего непосредственного начальника Марсело.

Вечером встречаю в офисе часть нашей «онды»⁹ инженеров леса. У всех помимо имен, которые мне с первого раза все и не упомнить, есть еще и прозвища. Виктора, например, все зовут Тото. Я сразу вспоминаю волшебника страны Оз и потому быстро окрещиваю его в Тотошку, а он меня – в Полиношку. Мы постоянно шутим, даже несмотря на мой ужасный испанский.

Я живу в небольшом деревянном домике на углу улицы, сбегаящей вниз по холму. Вывешиваю сушиться полотенце на заднем дворе, а чтобы проветрить дом, просто открываю дверь настежь. Виктор недавно переехал сюда из эль кампо. В домике две комнаты, и меня решили поселить пока сюда. А я и не возражаю.

Дома в Койайке отапливаются печками-буржуйками. В каждом доме есть небольшое отверстие в крыше для дымохода буржуйки. Хотя домики в большинстве своем маленькие, но мне кажется, что зимой-то здесь такой печечки не хватает. А зимы в Патагонии снежные, с температурой около 15 градусов ниже нуля, а то и все 20. В доме Виктора пока есть только дырка в крыше под трубу и, что презабавно, раковина в ванной также, как и на корабле, оборудована двумя кранами.

Вечером мы с Виктором болтаем о фольклоре. Тотошка постоянно что-то бренчит на гитаре. Я рассказываю о своем увлечении аргентинским фольклором и прошу его научить меня куэке. Это основной национальный танец в Чили, танцуется в парах, размахивая платочками. Однако на юге страны куэка не так уж популярна. Ее танцуют в основном на государственные праздники. А вот чамаме – танец, широко распространенный в Аргентине, – здесь очень популярен. Он представляет собой что-то вроде быстрого деревенского вальса. Вообще, чилийской Патагонии очень близка аргентинская культура. Здесь танцуют чамаме, знают чакареру и пьют много мате. Север страны и центральные регионы совсем не таковы: мате там редкость, а что такое чамаме, многие и не знают. Виктор соглашается показать мне чамаме и куэку, если я научу его чакарере. Вечером мы включаем музыку на наших ноутбуках и отбиваем веселые ритмы босыми ногами по ковру. Я учу чилийца аргентинскому фольклору, а он меня чилийскому. Я машу над головой своей банданой, а он кухонным полотенцем. «Тебе нравится мой платочек?» – смеется Тотошка.

У нас тут полная семейная идиллия: я готовлю, Виктор отмывает сковородки. Я хожу каждый день в один и тот же магазин, только вот с разными мужчинами... Лесных инженеров в офисе много, а я обедаю то у одного дома, то у другого.

⁹ Onda – компания (исп.).

Чилийское время, чилийский язык и чилийский юмор

Утро понедельника начинается с собрания в офисе. Рабочий день здесь официально с девяти, но собрание предусмотрительно назначено на десять. Вчера Марсело сказал мне, с трудом разлепляя глаза, когда я постучала в его дверь в 11, как и было назначено:

– Ну, в Чили... умножай любое время встречи раза в два.

Начальник прибывает в 11. Все пьют мате, чай, жуют бутерброды, бродят по офису. Мы никак не приступим к сути. Но дальше начинается болтовня на несколько часов, сопровождающаяся брожениями, матепитиями и многочисленным трепом не по теме. Чилийцы.

Во время одного из выступлений я не отвожу глаз от докладчика, пытаюсь уловить хотя бы общий смысл его речи.

– Не волнуйся, – кивает мне Сиси, видя мое сосредоточенное лицо, – никто не понимает наш чилийский!

Сиси – единственная дама в офисе, не считая меня. Обворожительная чилийка постоянно травит анекдоты:

– Хочу купить себе грелку... По ночам очень мерзнут ноги, – жалуется один дедуля другому.

– Зачем тебе грелка, купи кота, – советует второй.

На другой день пожилой чилиец приходит с расцарапанным лицом.

– Что случилось? – удивляется его друг.

– Ну, видишь ли, вчера, когда я стал заливать горячую воду в кота...

К разговору о грелках успели перейти в процессе обсуждения ближайшей лесной вылазки. На замеры приходится уезжать иногда и не на один день.

– Эй, Паулина, зачем тебе теплый спальник, мы же тебе отдаем нашу лучшую грелку, – смеются коллеги, намекая на моего напарника.

Несколько часов *reunion* (собрания)... чилено, чилено, чилено...

Наконец, все расходится по рабочим местам. Энрике вызывается помочь мне и Сиси освоить новую систему для работы с картами. Он сейчас «на больничном». Недавно Энрике и его напарник Хави попали в страшную аварию. Чилиец с тремя кусками металла в его спине и руке очень жизнерадостно рассказывает о произошедшем. «Мы живы – это главное, – говорит он, – а мой друг скоро сможет снова ходить без костылей». Они попали в оползень. Энрике помнит, как, выпрыгивая из машины, почувствовал: что-то врезалось в спину, и он перестал ощущать руки. Его друг Хави лежал рядом с вывернутой и переломанной в нескольких местах ногой.

«Я не думал тогда ни о своей дочери, ни о смерти. Я не молился, – говорит Энрике, – я знал только одно, что мне во что бы то ни стало нужно дойти до ближайшего жилья и вызвать помощь, иначе мой друг умрет». Энрике не мог шевелить руками, он мог только идти. До ближайшего жилья было несколько километров вверх по склону. Энрике нужно было преодолеть две изгороди и перейти вброд реку, и все это – без помощи рук. Но даже когда он смог добраться до дома, где хозяина не оказалось на месте, и вызвать помощь по радиации, ему отказались прислать вертолет. Двух раздробленных людей везли на машине по склонам и сельским дорогам до больницы. В «скорой» даже не было морфина. Первую порцию обезболивающего они получили лишь наутро.

«Я помню, как сидел у огня, залитый кровью, а вернувшийся хозяин домика заварил мне мате и дал закурить».

Энрике чувствует себя значительно лучше, но на работу его пока не пускают. Он скучает по лесным вылазкам. А тем временем заманивает нас с Сиси к себе домой обучать нюансам компьютерной картографии. Оказывается, что лучшая программа придумана русскими. Сейчас в офисе используют Google Earth, но Энрике показывает нам преимущества Sus Planet.

– Видишь, – говорит он Сиси, – недаром к нам занесло русского волонтера!

Они мыслят здесь совсем другими понятиями времени. Я заметила это, еще когда общалась с Крисом на кораблике. Он, делясь своими планами на будущее, сказал, что свое дело собирается начать где-нибудь в 40, а пока будет путешествовать. Помню, это так поразило меня. Сорок – это же уже та часть жизни, когда ты идешь с горы. А он собирается в это время только что-то начинать. Меня вот в мои 26 уже всю трясет, что я ничего не сделала в жизни.

Энрике говорит мне за обедом: «Если ты хочешь чего-нибудь добиться в Патагонии – не спеши».

«Понимаешь, здесь очень долго добираться из одного места в другое. Если где-то ты потратил бы два часа на дорогу, то в Патагонии ты потратишь шесть. Поэтому люди здесь умеют ждать».

Вот! Здесь действительно все именно так. И как меня, такую нетерпеливую, потянуло в столь «медленное» место?

Продолжая обсуждение моего путешествия по Чили, Энрике говорит:

– Да, в Чили много интересной работы...

– Да. Одна проблема, – отвечаю, – мне нужна виза для работы здесь, а это куча сложностей, бумаг...

– Ну да. Или жених, – смеется Энрике.

Только вчера, когда мы ехали в эль кампо «на шашлыки» к Марсело, его девушка Алехандра выясняла причины моего путешествия.

– Я приехала, чтобы подумать о жизни.

– А, – с пониманием кивает она, – найти парня.

– Да нет же, найти себя. Я хочу понять, что я хочу делать в этой жизни...

– Ну да, я ж и говорю, найти парня!

Алехандра и Марсело смеются, а я думаю: «Ну да, к концу путешествия меня выдадут замуж, устроят на работу... ну, если нет, то, может, хоть чамаме танцевать научат».

Вечерняя рапсодия

За окном тыквенным светом загораются приземистые фонари. Они рассеянно освещают небольшое пространство вокруг себя. Еще не стемнело. Выше крыш одноэтажных домиков, разбросанных по ухабистому ландшафту городка, поднимаются холмы. Кажется, что они ворочатся перед сном как неуклюжие великаны, устраивая поудобнее свои облезлые бока, тут и там пестрящие охристыми проплешинами. А выше клубятся нежно-голубые облачные стайки, купаясь в молочно-розовых небесах, словно катаясь по только что постеленной простыне.

Фонари разгораются все ярче, облачные бочка сереют, а небо нежным фиалковым полотном укрывает успокоившихся великанов.

Вот и наступает моя вторая ночь в Койайке.

Мне хочется отобразить каждый перелив, как Моне писал свои стога. Каждое мгновение краски меняются, наполняя мою грудь томлением от невозможности описать красоту и свежесть оных. Господи, дай мне в руки кисти!

Боррачос, перо буэн мучачос

Утро начинается с пустого офиса. Если для меня девять утра означает 8.40, то для чилийцев это около 10. Зато мы почти сразу выезжаем. В чилийской Патагонии лучшее, что можно сделать, – это расслабиться и получать удовольствие. Планы все равно изменятся по нескольку раз за вечер, а с утра выяснится, что мы будем делать вообще что-то иное. Ну, а время... – это и вовсе общее предписание, а не закон.

Красный минивэн с рисунком бобра, защитника леса, на боку несется по горным дорогам прочь от Койайке. Транспортное средство принадлежит вышестоящей организации КОНАФ. За рулем один из ее представителей – Мануаль, а рядом – Пато. На самом деле имя этого темнокожего бородача – Патрисио, но по местной традиции давать прозвища имя было сокращено до Пато, что в переводе с испанского означает «селезень». Вот так это красивое имя приобрело перепончатые лапки.

На заднем сиденье примостились трое – Марсело, Сигрид (Сиси) и я посерединке. Нам предстоит трехдневное путешествие по лесам отдаленных угодий этого района. Цель работы обеих организаций – мониторинг состояния естественных лесов, контроль над вырубкой и просвещение в этом вопросе местного населения. Поэтому ближайшие три дня мы будем колесить по фермам лесорубов, отмечать деревья под рубку и под сохранение и проверять, как исполняются предыдущие планы использования леса.

Внизу расстилается долина реки. Наш минивэнчик с ревом вскарабкивается на крутые перевалы, над которыми кружат кондоры. А потом по уходящей за горизонт дороге несется сквозь чилийскую пампу, а в машине играет музыка мапуче (одно из индейских племен Патагонии, но о них чуть позже).

На некоторых склонах у меня возникает ощущение, словно я на американских горках: машина спускается вниз, а склона за капотом не видно! Когда мы, почти что стоя на двух боковых колесах, объезжаем пни, Марсело, замечая мой озабоченный взгляд, интересуется: «Думаешь, мы перевернемся? Для того чтобы машина перевернулась, нужен вот такой угол, – наклоняет ладонь, – а у нас пока только вот такой». Спасибо, успокоил.

Мне представился уникальный шанс увидеть жизнь чилийцев изнутри. Не горожан, а тех самых простых людей, на которых и держится любое государство. Маленькие деревянные домики посреди необъятных просторов. До соседей пешком зачастую не дойдешь. Зато есть старенький, искореженный до совершеннейшего металлолома грузовичок для перевозки дров. А то, может, и лошадка, а по двору у дома бегают куры, а у кого еще и индюки, и утки.

Целый день мы бродим по нотофагусовым¹⁰ лесам, отмечая деревья, подходящие для рубки, крестами, а некоторые опоясываем краской, запрещая рубить. Это так называемые «деревья будущего». Проверяем наличие возобновления лесов, исследуем новые районы и мониторим те, для которых уже составлены планы. К нашей деятельности местные жители относятся с пониманием. Они очень дружелюбны, их руки морщинисты, а кожа загорелая и обветренная, но взгляд очень спокойный. Их глаза не светятся каким-то там внеземным счастьем, но в них нет ни скуки, ни печали городских жителей. Трудно описать это ощущение кроме как – спокойствие, уверенное спокойствие. А уголки глаз прячут улыбку, немного хитрую, надо сказать.

Дома лесорубов в горах попроще и поменьше, чем у тех, что живут чуть ниже. Да и хозяйство в основном лишь лесное. Ниже же по склону еще выращивают овес, картофель и некоторые травы. Выше в горах хозяйничают почему-то в основном люди в возрасте, ниже –

¹⁰ Nothofagus (Южный бук) – род лиственных деревьев, эндемичных для Южного полушария, является одной из основных лесообразующих пород Патагонии.

живут большими семьями, в том числе и с маленькими детьми. Жизнь лесоруба не проста – детишки горных жителей, возможно, разлетаются искать иной судьбы.

На ночлег устраиваемся на берегу Рио Норте. Палаточки, костерок, а на нем сосисочки с хлебом – «чорипан», по-местному. Из багажника извлекают блок пивных банок, а в традиционный бурдюк заливают чилийское красное. Как же они вечером без чая обходятся? Только пиво, вино и жареные сосиски.

– Боррачос, перо буэн мучачос, – смеется Пато. (Пьянчужки, но ребята неплохие.)

Иду к реке умыться. Меня нагоняет взволнованный голос Сигрид:

– Осторожно, там пумы!

Ага, класс. Пумы. Ну вас – я пошла умыться. Пумы подождут.

Под иными звездами

«Ай, мари, мари...» – это приветствие индейцев мапуче. Встает солнце. Начинается день. Начинается он с мате.

Засыпала я под журчание реки и храп Марсело из соседней палатки. Ночь в палатке без коврика – это, несомненно, новый опыт. Однако совсем не тот, который хочется повторить. Ну, по крайней мере, пума меня за попу не укусила во время ночного хождения в кусты, и то хорошо.

Первое ранчо с утра. Мы подъезжаем к домику на нашей машинке, а хозяин – верхом. Я не отрываю взгляда от коняшки. Так хочется в седло! Наши парни уходят решать их бумажные дела. Мануэль замечает мой восторженный взгляд, обращенный к лошади.

– Умеешь держаться в седле?

Я киваю.

– Ну, так полезай! – улыбается мне Мануэль.

Пока лесовики заполняют необходимые бумажки, я наворачиваю кружочек по полю. Столько лет не сидела в седле. Как же это замечательно! Лошадь совершенно безучастно относится к моему присутствию на ее спине, но все же слушается. Как только я слезаю, сразу принимается усердно щипать траву.

«Пойа о пока?» – кричит Мануэль из машины стоящим на развилке дороги Пато и Марсело. Парни показывают пальцами, в какую сторону поворачивать, при этом каждый показывает в противоположную. Ох, уж мне этот чилийский! «Пор аяа о пор ака» – а что они говорят?! Возьмите любую фразу на испанском, отрежьте у всех слов концы, слейте это все в одно слово, а потом произнесите с особым ритмическим рисунком. Можно еще прибавить пару исключительно чилийских словечек, и тогда вы получите язык, на котором здесь говорят. И они еще и издеваются, что я ничего не понимаю! И когда я переспрашиваю – нет, чтоб сказать помедленнее и нормально или другими словами – как же! – они просто произносят абсолютно тоже, также и с той же скоростью. Однако теперь я нашла на них управу – проблема не в том, что я не понимаю, а в том, что это некоторые не знают синонимов!

Уже темнеет, но работы в лесу продолжаются. Сиси, Пато и я навещаем последнюю ферму. В маленьком домике живут два лесоруба. Сегодня работаем до ночи и без обеда. Не пойму я что-то этих чилийцев. То у них возлежания на солнышке, матепития с местными жителями и вообще достаточно расслабленный стиль работы, а то они вдруг обед пропускают!

Спускаясь с холма по дороге к дому лесорубов, с которыми общались еще днем, натякаясь на одиноко стоящий куст крыжовника. Три голодных лесовика на закате объедают пышный кустик. И, тем не менее, торопиться все равно некуда – Сиси и Пато передают друг другу самокрутку. Темнеет.

Так тепло, так уютно примоститься у маленькой печки, в деревянном домике на холме. Здесь живут два лесоруба и жена одного из них. Хозяин готовит мате. Из маленького чайничка заливает полное жербой мате¹¹ и предлагает Пато. Тот благодарно кивает, но «спасибо» не говорит. Сказать «спасибо» означает, что все, больше не хочу мате. «Спасибо» здесь, как и в танго, говорят по окончанию процесса. Пато возвращает мате хозяину, и тот наполняет его водой вновь, передавая следующему. И так все идет по кругу.

¹¹ Мате – это и напиток, и сосуд, в котором его заваривают. В данном случае имеется в виду сама чашечка. А к заварке чаще применяется слово – yerba (произносится, как правило, как жерва/жерба) – это сокращение от полного названия растения yerba mate (*Ilex paraguariensis* лат.).

Домик мне почему-то напоминает «Едоков картофеля» Ван Гога. Конечно же, обстановка не так бедна, а лица не так усталы, как на картине, однако этот полумрак, люди, работающие на своей земле и также, как «едоки», выращивающие картофель, – все это создает похожую по духу атмосферу. В доме нет электричества, лишь играет старенькое радио на стене, передающее программу Гаучо с традиционной музыкой и забавным говорком ведущего. Топится печь. Когда опускается мрак и уже не различить лиц сидящих, хозяин зажигает в углу небольшой газовый светильник. «Что, есть такие в России?» – улыбается он мне.

Особенно мне нравятся деревянные спинки стульев и плетеный диван у окошка. Проходит не один круг мате, когда, наконец, мрак за окном освещают фары автомобиля. Входят Марсело и Мануэль, чтобы присоединиться к матепитию. Кажется, никого не волнует, что время уже за десять и нам предстоит ставить палатки в полной темноте. Разговоры. Это очень важная часть работы. О деле и о жизни. Люди, с которыми работают мои лесовики, целый день проводят в лесу и в работе на земле, каждая семья живет далеко от иной, и даже приехать в Койайке на какое-нибудь собрание для кампесинос для них – целое событие. Поговорить – это очень важно. И, конечно же, навернуть десяток кругов мате.

Полночь. Где-то рядом журчит река. Я устало брожу во мраке, пытаюсь найти подход к воде. Мы встали около восьми и ездили по участкам до одиннадцати ночи. Почти на ощупь поставлены палатки и разведен костер. Я поднимаю голову и замираю, погружаясь в звездное небо. Там, в этой необъятной безбрежной глубине, извиваются мириады светящихся существ. Если неотрывно смотреть на звезды, то кажется, что наиболее яркие из них приближаются, почти касаясь носа, а те, что поменьше, уходят вглубь. Небо приобретает трехмерность, а ты словно погружаешься в него, как в воду. А светящиеся звери плавно покачиваются вокруг. Я никогда в своей жизни не видела столько звезд! Даже в горах Кавказа. И звезды здесь совсем иные. Вон у гребня висит Южный крест, похожий на воздушного змея. Он, в противоположность нашей Медведице, указывает на юг. В другой стороне растянулся, держа одной рукой лук, небесный стрелок. И, конечно же, Млечная дорога простирается вдоль всего небосклона.

Подокарпусовый лес

Мы идем среди извилистых стволов вековых подокарпусов¹², продираясь сквозь их опавшие ветви и бамбуковый подлесок. Атмосфера совершенно отличается от нотофагусовых лесов, что мы обследовали ранее. Здесь прохладная влажность исходит, кажется, от самой каштановой коры этих деревьев, эндемиков Южного полушария. Кора их слоится, что является характерным признаком данного вида, и покрыта различными мхами и лишайниками, также свисающими с ветвей, придавая деревьям еще более зачарованный вид. Это совершенно волшебный лес. К сожалению, и он идет на отопление и постройку домов. Топить дома подокарпусом – уму непостижимо!

Приближаясь к последнему месту, мы встречаем хозяйку угодий, идущую с подругами куда-то по дороге. Большая удача, что мы ее заметили, а то ждать бы нам неизвестно сколько ее возвращения. Сигрид быстро запикивает меня к себе на колени, а рядом усаживает жену лесоруба. И вот такой веселой компанией мы отправляемся к великолепному деревянному домику. Рядом с ним бегают куры и утки, за углом притаились два жирных хряка. На заднем дворе футбольное поле и округлое строение наподобие чума.

– Эй, Паулина, – толкает меня локтем Мануэль, – смотри! – показывает на притолоки в доме, отделанные подокарпусом.

После моих восхищений этими деревьями и заявления, что нужно запретить их вырубку по всему Чили, ребята не перестают подшучивать, всюду указывая на изделия или дрова из подокарпуса. Но это не единственное, что привлекает мое внимание в доме. На стене висят шкуры – лисы, нутрии, пумы и даже броненосца! Да кое-какие модницы удушились бы за такие украшения своего дома, а здесь это в порядке вещей в жилищах простых лесорубов. Изделия из великолепной древесины подокарпусов в Европе на вес золота. А они ею и дома топят...

Хозяйка ловко выгоняет из дома двух куриц, но в этот момент в тепло прошмыгивает маленькая овечка. Она тянется к женщинам. Но ее также выставляют на улицу. Нечего скотине делать в доме.

После матепития, поедания домашних сыров с горячим хлебом и обследования территории мы собираемся в «чуме». К нам присоединяется и сам хозяин.

Строение, в котором мы сидим, крайне любопытное: конструкция наподобие чума, но с камином, а в стены вставлены окна от автобуса, также обрамленные досками из подокарпуса. На земляном полу стоят деревянные скамьи и стулья, покрытые овечьими шкурами, а к центральному столбу примотана единственная лампочка, провод от которой тянется через все строение и на улицу к дому.

Удивительное место – чилийская Патагония! Здесь топят дома подокарпусом, украшают шкурой пумы и броненосца, здесь засыпают под сиянием Южного креста, очень подолгу говорят и передают по кругу горячий мате. Чилийская Патагония – совершенно особое место. Здесь столько знакомого и столько совсем иного, здесь сплелись традиции Чили и Аргентины и в то же время здесь есть что-то исключительно свое, неповторимое и ни на что не похожее.

¹² Podocarpus – род из класса Хвойных, эндемичный для Южного полушария.

Мосты, дороги, автостопщики

Я устало водружаю свою тушку на диван. Надо бы включить газ в нагревателе под гордым именем «Юнкерс» и доползти до душа. Но сил нет. Не знаю даже, сколько километров я сегодня навернула по местным холмам, но мои нижние конечности, а также некоторые выше находящиеся части тела яростно выступают против такой эксплуатации. Все в лучших традициях Чили: собиралась с утра в ближайший городок съездить, а в итоге пошла пешком в ближайший нацпарк.

Заявившись с утра в офис только чтобы занести своему «муженьку» ключи, которые он забыл дома, выяснила, что в Айсен мне ехать смысла сегодня нет, ввиду низкой облачности. Ну, и следуя напутствию коллег, я отправилась месить дорожную пыль своими ложноножками.

Пройдя через весь город, я свернула на уходящее в горы шоссе. И уже после нескольких километров почувствовала себя автостопщиком-неудачником, хотя я вроде этим и не занималась. Но, к сожалению, здесь не очень-то пешеход-френдли территория. Нет машины – иди по обочине. Других вариантов не предусмотрено. У моста я встречаю путешественника «а-дедо», то есть по-нашему, как раз автостопщика. Интересуюсь у парнишки, далеко ли до нацпарка. «Че» – достаточно распространенное здесь дружеское обращение – оказывается в курсе и желает мне благополучно добраться до места. Еще несколько километров по трассе, и я вхожу на территорию поселка. Здесь предстоит пройти 1,5 км в гору и – бинго! – парк найден.

Где-то в середине туртропы я осознаю, что больше не могу идти в кроссовках. И тут меня посещает очаровательная мысль: а что мне мешает разуться и идти босиком? Я немедленно воплощаю эту мысль в действие и вот уже шлепаю босыми ногами по пыльным дорожкам заповедника и по усеянным мягкой хвоей лесным тропинкам. Людей навстречу попадаетея крайне мало, и я потихоньку окончательно дичаю. Хвойные леса и бамбуковые заросли... Я оставляю следы босых ног в дорожной пыли. Откуда берутся легенды о йети?

Вчера прямо на мосту познакомилась с путешественником из Сантьяго, сегодня весь день встречаю стопщиков. Я так смотрю, автостоп в Чили пользуется популярностью среди путешественников, а вот в своих пеших вылазках я, как правило, одинока. Местные везде на машинах выезжают. Накануне, осваивая территорию, повстречала лишь одну пожилую парочку с рюкзаками, а затем поздоровалась с пареньком, проходя по мосту. К тому моменту я уже возвращалась в город, прочесав 12 км по шоссе до маленького закрытого аэропортика с мини-самолетиками мест на шесть. Поднимаясь к городу, обернулась – смотрю, он идет в ту же сторону. Думаю, дай-ка приостановлюсь и передохну, может, догонит – заговорит. И точно! Поравнялся и спрашивает: «Что, крутой подъем?» – «Да нет, – отвечаю, – просто я уж 12 км иду». – «Ого!» – дивится он моей стойкости. А они тут, видимо, не очень-то ходить любят, хотя в Чили, например, есть знаменитый парк «Торрес дель Пайне» – там шикарные горные трекинги.

Ну, дело, понятно, заканчивается обменом контактами. Он из Сантьяго, работает в телефонной компании, а здесь отпуск проводит, гуляя по окрестным нацпаркам. Очень моего нового знакомого восхищает совершенный мною побег из офисных оков. Он-то меня понимает.

Вот она, моя латиноамериканская жизнь: знакомлюсь с кем угодно, где угодно и болтаю о чем угодно! Почему-то в Москве и в Европе у меня такие выкрутасы как-то хуже получаются.

Руса лока

По утрам я иду на работу через полгорода, любуюсь окружающими его горными вершинами вдалеке и близлежащими, начинающими желтеть склонами. Я вдыхаю запах диких трав и дыма печных труб. Последний напоминает запах походного костра, и меня захлестывают воспоминания.

Здесь меня уже прозвали *Rusa loca* – Руса лока (чокнутая русская), за мои безумные многокилометровые вылазки и бродяжки босиком по горам. Мне даже приятно.

Ласковое солнышко припекает мохнатые бока лениво валяющихся на обочине собак, потихоньку торговцы открывают свои лавочки, а людей почти нет на улицах, большинство уже разъехало на работу.

В эти дни основная часть команды работает в офисе: наступил отчетный период. Как водится, все завалено недописанными бумажками и недозаполненными формами. Я осваиваю новые компьютерные программы на испанском. Нет, мне, конечно, нравится этот язык, но когда приходится при моем скромном уровне владения испанским разбираться, как пользоваться навигационными программами или отвечать на вопрос про графики в Excel, в эти моменты я его ненавижу!

Хорошо жить в маленьком городе: можно ходить обедать к себе домой, а лучше – к коллегам. Мне как жителю Москвы, привыкшей, что место обитания и работы разделяют часы езды на общественном транспорте, это так забавно.

В канцелярских магазинах сейчас очереди из озабоченных мамашек, держащих в руках длинные списки всего необходимого для своих чад. Ведь через неделю начинается новый учебный год, а у детишек заканчиваются летние каникулы.

Вчера вместе с коллегами засиделась на работе, а потом сбежала на «свидание» с новым знакомым из Сантьяго. Я впервые за все время моего пребывания в Койайке добралась до центра города, а также впервые зашла здесь в кафе. Официантка предлагает нам разные тортики – перуанский, *Tarta de ojas*...

– Охас?? – я смеюсь. Охас в переводе означает «листья». Это что за лесной пирог с листьями?

Николас, мой амиго сантьягеньо, поняв, что меня привело в такое веселье, смеется вместе со мной.

– Нет, охас – это любые листья, не только древесные! – поясняет он.

Пирог оказался просто из слоеного теста.

Дома Тотошка бренчит на гитаре. Завидев меня, недовольно вопрошает, где и с кем меня так долго носило?! Чувствую себя загулявшей женушкой, оттого становится еще смешнее. А он, бедняга, между прочим, на ужин бутерброды кушал. Эх, что я за человек!

День Лесов

Темные мелкие листочки подокарпуса, по-местному, «манио», создают неплохую тень. Я вытянулась на травке под разлапистым деревом. В этот жаркий денек оно прячет под собой целую компанию местных гаучо. Сегодня – День леса – *Día del bosque* – важное мероприятие, организованное нашей командой совместно с КОНАФом на ферме семейства лесорубов. В этом месте я уже не в первый раз. По приезде обнимаюсь с хозяйкой и ее семейством, как с родными. Рядом с домом в странном строении, похожем на чум, вечером зажарят асадо – типичное блюдо гаучо. Пабло, один из организаторов, вместе с хозяином дома ловко освежевывают еще теплые тушки, чтобы потом растянуть их на металлическом кресте и выставить на огонь в гигантском очаге «чума». Рядом кружат мухи, под ногами вертятся в надежде на поживу собаки. Я фотографирую. Пабло улыбается мне, держа в руке острый нож. Такой нож хорош для разделки, но с него также поедают и только что отрезанные от приготовленной туши куски, обливая пальцы и пол ароматным жиром. Пабло мне отчего-то напоминает одного моего хорошего друга, а данная сцена кажется совсем домашней. То ли здесь все это так к месту, что совсем не коробит меня, то ли я уже не та, кого несколько лет назад трясло, когда в Азербайджане пришлось ошипывать дичь.

Здесь собралась вся наша команда, представители двух гос.организаций и человек двадцать местных лесорубов и фермеров. Данное мероприятие посвящено ознакомлению фермеров с правильной эксплуатацией леса, а также обсуждению их проблем. Мне очень нравится, как тут все организовано. Всем дают время на беседы и социализацию, выслушивают их мнения и обсуждают их проблемы. Мы разносим чай с печеньками, а потом наступает перерыв на жареные сосисочки с хлебом – чорипан. Хозяйева принимающей фермы, лесорубы и гаучо, организаторы – все общаются как-то по-семейному, без разграничений. Днем отправляемся в лес. Марсело и его коллеги показывают свою работу вживую, многое объясняя и опять-таки обсуждая.

Помимо КОНАФа здесь присутствуют еще две девушки из одной локальной гос.организации. Я общаюсь с ними с большим удовольствием. Честно говоря, не представляла даже, что такие организации существуют. Они занимаются тем, что дают рекомендации местным землевладельцам, как лучше всего использовать их землю. Здесь работают и социологи, и агрономы, и биологи. Ребята общаются с хозяевами, обследуют территорию, а потом составляют план с рекомендациями – где лучше что выращивать, а кому желательно использовать свои владения для туризма, а кому еще для чего. Эта программа создана локальным правительством региона и существует пока только для земель провинции Айсен, административным центром которой как раз и является Койайке. Нам бы такой опыт перенять!

Всем очевидно, что я неместная, но никто с расспросами не бросается. Все заняты чем-то своим, но в разговорах, между делом, то там, то здесь, конечно, интересуются откуда. «Из России – так далеко! И зачем? Почему к нам?..»

Любопытно, что здесь меня часто спрашивают: почему Чили? В Аргентине я с подобным вопросом не сталкивалась. В первое время не знала, что отвечать.

– Ну что же тут непонятного – это же ЧИЛИ!!! Чили, понимаете?!

– А на каком языке говорят в России? – спрашивает один из ребят от КОНАФа. – А, на русском...

– Есть и другие языки, но государственный – русский, – поясняю я.

– А на Украине?

– У них тоже свой язык, это же другая страна, – отвечаю.

Завидев замешательство на лице коллеги, другие участницы разговора начинают смеяться.

Многие здесь не знают разницы между Россией и СССР. Впрочем, много ли я-то знаю о чилийской истории? Их страшные события были ведь совсем недавно.

Я восхищаюсь творчеством фольклориста Виктора Хара. А ведь именно он и был тем певцом, которого Пиночет вывел на стадион Сантьяго и отрубил кисти рук, а затем казнил.

Энрике, видя мой живой интерес, рассказывает о сменах режима, о выселении мапуче с их земель, об интродукции североамериканских хвойных в ущерб нативным лесам лишь для наживы целлюлозно-бумажных промышленников. В разговорах с местными всплывают различные социальные и политические проблемы этого края, а я не могу не возвращаться мыслями к собственной стране. Оторванные от своей культуры и земли мапуче напоминают мне наши «малые» народы Сибири и Дальнего Востока, в свое время так активно вписываемые под общую планку. Почему люди никогда не слушают, прежде чем говорить? Отчего та манера жизни, которой живут более «успешные» народы, должна подойти другим, родившимся в других климатических условиях, возвращенным иными лесами и горами? Почему «прогрессивные» нации вечно мнят себя великими учителями, образовывая нерадивых и диких кнутом и ружьем?

В этом отношении я полностью согласна с Еленой Норберг-Хорж, которая в своей книге «Древнее будущее» пишет о том, что проблемы современных стран третьего мира, такие как голод, эпидемии, зависимости и прочее, являются следствием колонизации, а не, так сказать, «примитивности» этих культур.

Мне ужасно любопытно наблюдать местных гаучо, но я смущаюсь открыто пялиться на них, потому поглядываю украдкой. Эти мужички – словно те деревья, что они рубят, – крепкие, с потемневшей на солнце кожей и обветренными лицами, орлиными носами и глубоким взглядом из-под могучих бровей. Вот один в вальяжной позе отдыхает под подокарпусом. На голове его традиционный в Патагонии берет, а сам он не расстается со своей кожаной курткой даже в такую жару. Его собеседник, тот и вовсе вылитый Денди-Крокодил. Если большинство фермеров из-за удобства перешли на джинсы и кроссовки, то этот седой мужчина не променял местные брюки и традиционные сапожки на блага гринго. На голове потертая кожаная шляпа с полями – головной убор большинства чилийских гуасо, в отличие от патагонских гаучо, а на шее – праздничный, элегантно повязанный платок. Люди здесь едят с ножа, лежат на травке посреди козых катышков и бегающих кур и собак. И все это кажется настолько естественным, что я совершенно теряю эту городскую девчонку и валяюсь под деревом с остальными, передавая по кругу мате. «Ну, так ты уж совсем чика патагоника», – смеется одна из женщин. Жаль только, не танцуем... Все потягивают из жестяных баночек популярный здесь Becker. Я давно уже поняла, что в Патагонии нет особого разделения между официальным и неофициальным, домом и гостями. Здесь запросто могут пригласить автостопщика вместе отобедать, а ворота никто не запирает на цепи, а лишь на легкую перекладину, чтобы животные не выбрались. А еще здесь все друг друга постоянно целуют! Это способ поздороваться и попрощаться, и даже представиться незнакомцу! А теперь вообразите, что происходит, когда кто-то приезжает в большую компанию или уезжает. Да, именно: он бродит и целует всех – хозяев, гостей, хозяйских детей, детей гостей... Так что, если вы решили отбыть с такого праздника небольшой компашкой, запаситесь временем – вы никуда не уедете, пока вся ваша компашка и вы не перещелуете всех оставшихся.

– Чау, руса! Передай привет Москве! – говорит мне старый гаучо в широкополой шляпе, целуя меня в щеку на прощание.

И все-таки люди по всему миру похожи друг на друга. Все эти чилийские асадо-посиделки очень напоминают мне наши дачные шашлыки, только без водки, а с вином из бурдючка.

Парни мои уже прихмелели слегка и теперь подтрунивают надо мной больше обычного. Они все веселятся, что я мяса не ем. Приходится демонстративно отрезать ножом кусочек от еще дымящейся тушки и сжевать с хлебом под пристальными взглядами товарищей.

– Ого, где фотоаппарат? Полина ест мясо! – смеется Карлос.

– Подумай, только несколько часов назад оно вот тут вот бегало, – издевается Тотошка, указывая на лужок перед нами.

– Вот уж с чем у меня нет никаких проблем – так с этим! – усмехаюсь я. Я никогда не была вегетарианкой по принципам. Ну, просто невкусно мне!

Уже в сумерках возвращаемся – я и четыре веселых чилийца. Хорошо парням: остановили машину посереде чисто поля, всей четверкой спинами ко мне повернулись и любуются, так сказать, горным ландшафтом. А я деревца на обочине выглядывай, да за рукав дергай, чтоб остановили.

Перед самым городком встречаем полицейский патруль. Пятничным вечером всех водителей на въезде проверяют на трезвость. «0/0, – хвастается Сергио, – все-таки шоколад – великая вещь!» Вот не знала, что пиво так хорошо скрадывается шоколадкой. Однако что-то мне подсказывает, что завтра рано с утра мы в лес не выйдем.

Очередная перемена планов

«Мы тут вчера посидели с друзьями за пивком, разошлись уже к утру и решили, что сегодня никуда не поедem». Так началось мое воскресенье. Меня каждый раз чрезвычайно восхищает здешняя система планирования! Надо ли говорить, что и накануне в субботу мы тоже никуда не поехали, но случилось это немного иначе. Началось все с того, что после Дня леса Марсело удалось добраться до офиса только к часу. Я все понимала и просто расслабилась и ждала.

Марсело для этой поездки накануне одолжил джип у Сергео, коллеги по офису. Здесь машины – вообще вещь слегка общественная. Все ими пользуются, но не все имеют, поэтому регулярно одалживают то у одного, то у другого знакомого. А вот арендовать – это занятие крайне недешевое в Чили.

Я тогда и понятия не имела, что Марсело говорил об этой машине! Не знаю, как вообще можно было понадеяться на это, но оно сдохло при первом же повороте ключа. Металлическое нечто в форме джипа давно уже печально покоилось около офиса, и далеко оттуда ему и не предстояло уползти. На самом деле когда-то данная машинка являлась еще тем зверем и носила гордое имя «самурай». Но уже когда мы погружались в ее явно давно неиспользуемую и уж тем паче нечищеную утробу, у меня начали возникать сомнения насчет работоспособности данного устройства. После первого же поворота ключа бывший зверь жалобно моргнул табло и издал, по-видимому, свой последний звук. Дальше машинку исключительно переталкивали по двору Марсело с местными рабочими. А мое дело было лишь вовремя нажать на тормоза. Потом уже сам Марсело сидел за рулем, только для того, чтобы разворачивать колеса, а трое чилийских мачо толкали «зверя» в разные стороны, пока, наконец, не запихнули в другой угол, где и оставили.

Все закончилось тем, что мы ушли обедать к Марсело, а потом под веселую чилийскую музычку углубились в наши ноутбуки. Я сидела и кропала текстик, и рылась в интернете в поиске работы, Марсело разбирался с какими-то незавершенными делами. На воскресенье мы вновь планировали выезд. Ну да, как же...

Расслабься, мучача, это Патагония! Планирование? Нет, не слышали о таком.

А теперь к вопросу о том, как здесь развит туризм. Поняв часов в 12 дня в воскресенье, что никакой выезд мне не грозит, я поспешно взялась за самоорганизацию. Поблизости оставался неохваченным лишь один нацпарк – Резерва Рио Симпсон.

– Да это очень просто, попасть туда, – спокойно ответил на мой вопрос Марсело, – сядишь на автобус до Айсена и просишь остановить у Резервы.

– А обратные автобусы до которого часа ходят? – предусмотрительно интересуюсь я. Здесь, конечно, много путешествуют стопом, но я пока в одиночку этого ни разу не практиковала.

– Часов до девяти, – отвечает Марсело, наливая теплой воды в мате.

Первые сомнения о предполагаемой легкости моего пути настигли меня при покупке билетов на автобус.

– А сколько километров до парка? – поинтересовалась сеньора в кассе.

А я откуда могу знать?! Кажется, тут о таком парке нечасто спрашивают...

– Не знаю, кажется, 30...

– Хорошо, я тогда пробью вам на 1000 песо (около 100 р.), только обязательно скажите шоферу, что вам до этого... парка.

Такую тропу можно найти, только если знаешь, где искать. Понятное дело, шофер этого не знал, а потому доставил меня к музею, который уже я не смогла найти...

Так и началось мое знакомство с Резервой Рио Симпсон. Пустынная дорога, маленькая деревянная табличка. А рядом машина моего уже почти родного КОНАФа. Молодой чилийский рейнджер кивает мне и поясняет, что тут у них лишь музей. Я сразу интересуюсь, а как можно в саму резерву-то попасть. На что получаю ответ, что нужно вернуться на несколько километров назад и там я найду Камина де Пескадорес. Какая еще тропа рыбаков, я в резерву хочу!!! «А более здесь ничего нет», – подытоживает мой красавец и с сим уезжает, оставив меня перед великолепными возможностями посреди пустынной дороги между Койайке и Айсеном. Других людей здесь нет.

Я поворачиваюсь к маленьким деревянным домикам. Над горами тем временем сгустились мутные клубы облаков, в воздухе пахло влагой. На этой небольшой территории из нескольких высаженных деревьев с достаточно скудными табличками и трех-четырех деревянных строений, казалось, я была единственным присутствующим здесь человеком. Пройдясь немного вокруг, я вернулась на дорогу и пошла в сторону Койайке, туда, где некоторое время назад, еще сидя в автобусе, заметила водопад.

Через несколько километров шествия по обочине нахожу небольшой водопад, посвященный Деве Марии. Рядом, что так характерно для Латинской Америки, помещена фигурка Святой Девы и сделан небольшой алтарь. Спустившись по мокрым камням к воде, наблюдаю холодные струи, низвергающиеся не с самой большой, в сущности, высоты, однако оттого не лишенные своей притягательности. Бегущая вода всегда завораживает. Но надолго я здесь не задерживаюсь.

Выйдя снова на дорогу, направляю свои еще не уставшие стопы к тому месту, где я заметила небольшую деревянную табличку. Но, пройдя еще несколько километров, к своему удивлению, обнаруживаю, что на ней не совсем то, что я ожидала увидеть. На табличке значилось: «Добро пожаловать в Резерву Рио Симпсон, кемпинг такой-то». Да что это! Какой еще кемпинг?

Я растерянно брожу между деревянных домиков и площадок для асадо. Наткнувшись на одно семейство, интересуюсь, как все-таки возможно попасть в сам парк, на что мне указывают, что дальше по дороге я найду опять-таки эту пресловутую тропу рыбаков. Пока иду туда, снова встречаю своего «бойскаута». «Да, да, – кивает он мне вслед, – тропа рыбаков там».

О, Чили! Страна, зажатая между горами и океаном! Такое ощущение, что все здесь устроено по тому же принципу. Маленькая тропка парка зажата между дорогой и рекой.

Здесь растут различные деревья Патагонии, как нативные, типа нотофагуса и подокарпуса, так и некоторые интродуцированные хвойные и эвкалипты. Проведя несколько часов, бродя босиком по одиноким тропам, я снова выбираюсь на проезжую часть. Понятное дело, что здесь нет никаких остановок и автобусов. До Койайке – 30 км. Похоже, единственная возможность вернуться домой – автостоп.

Четыре часа вечера. Я одна на пустынной дороге. Накрапывает мелкий дождик. В ожидании хоть каких-нибудь машин приплясываю на обочине, хлопаю в ладоши и притопываю. Из-за пригорка вырывается автомобильчик, я быстро вскидываю большой палец. На этот раз машинка призывно мигает фарами и останавливается. Ура! До того все проезжали мимо, хоть у некоторых и было место на заднем сиденье. Тоже мне – жалко, что ли, девчонку, бредущую одну под дождем по дороге, подкинуть 30 км до ближайшего городка? Этим оказалось совсем не жалко. Мужчина средних лет за рулем и девушка-подросток рядом – его дочь, как выяснилось. Они были неместные, чилийцы, но не из Патагонии. Отец привез дочь на велосоревнования. Выяснилось, что у нас под Койайком был всечилийский заезд для юниоров. А я-то думала, что это на каждом углу по полицейскому и часть улиц перекрыта? Мы немного поговорили о том, что я тут делаю. Я позабавила их замечанием, что у нас первое сентября – день, который ненавидят все школьники. На что чилиец усмехнулся и сказал: «А у нас завтра, завтра...» –

и шутливо указал пальцем на дочь. На следующий день начинался март – первый день осени в Южном полушарии.

Мы расстались неподалеку от въезда в город. Я отправилась в сторону холма, у подножия которого стоит домик Тотошки, а мои спасители вырулили в сторону центра.

Итак, состоялся мой первый опыт самостоятельного автостопа! Ю-ху!!!

Вечером я все-таки испекла оладушки. Устроила себе, так сказать, русскую резервацию. Включила на ноуте Ивасей¹³ и замесила тесто. Напекла сладких и соленых лепешечек, натянула тельняшечку и завалилась на диванчик с чтивом. Выходные все-таки.

¹³ Барды А. Иващенко и Г. Васильев.

Гауча

Сегодня с самого утра мне приспичило влезть в седло. Вот не знаю отчего, но все утро эта мысль бродила где-то на заднем плане моего сознания. И как раз сегодня был, наконец, полевой день.

Недавно наша команда пополнилась еще одним волонтером. Девушка Амина, уроженка Пуэрто-Рико, оказалась обладательницей миниатюрной комплекции и гривы густых черных волос, ниспадающих на плечи волнами. Эх, не чета моим-то... В общем, даже при наличии новой иностранки, кажется, я продолжаю оставаться здесь самой «экзотической» и мало говорящей. Для Амины испанский – родной. Она достаточно легко понимает все шутки, хотя пока еще немного теряется в особенностях чилийского. Я себя чувствую просто безнадежной на ее фоне. Прошел уже почти месяц, а я все также в «испанском» как рыба, вытасненная из воды, качай? («качай» – чилийское «смекаешь», или, точнее, «улавливаешь»).

Выезжаем мы, конечно, не в девять и даже не в десять. Шесть человек в одной машине – трое сзади, один в багажнике. Ну а что же, у Сигрид вполне удобный багажник, там и устроился самый невысокий из нас. Хайайо сформировал удобную постельку из наших рюкзаков и покрывала и завалился листать потрепанный французский словарик. «У них такое смешное ррр», – говорит он сзади. «C'est vrai¹⁴», – подмигиваю ему. Добравшись до места, мы разбиваемся по тройкам. Новичок отправляется с шефом и Сигрид, а я впервые работаю с Хайайо и Мемо. Даже не спрашивайте, как их по-настоящему зовут...

Очень приятные ребята и болтают мало. А я порядком подустала бороться с языком. У меня как раз сейчас тот период, когда лезет из всех мест английский и даже русский, но никак не кастильяно! Бродим по лесистым склонам вверх и вниз по абсолютному бестропинью и бурелому, как горные козлы скачем через поваленные деревья, продираемся через местные колючие кустарники. Я в восторге! Наша тройка возвращается к джипу первой. Сразу же залезаю на облюбованную мной ветку и вытягиваюсь во всю длину. Ветка, надо сказать, просто шикарная – расположенная невысоко над землей, широкая, теплая, горизонтальная, с крайне удобным изгибом, прямо под мою пятую точку. Пока я дремлю на дереве, из-за кустов выезжает Сигрид на лошади. За ней остальные и, ну правильно, гаучо! А откуда бы еще лошадь взялась.

Нет, все-таки как же эти ребята мне по вкусу! Если бы не было всем моим новым колоритным знакомым по пятьдесят и выше, точно бы замуж тут выскочила. Красавец в традиционном берете, в овечьих пристежках к штанам для верховой езды и еще и с кучижо (ножом) за поясом.

Конечно, я не удерживаюсь и тоже прошусь в седло. Мысли материальны!

И кто меня за язык тянул, чего вдруг в седло приспичило?! Ничего, что это не туристическая лошадка, а нормальная такая лошадь? Нет, говорят, ежели мозгов нет, то чужую голову не приставишь.

Гаучо улыбается моему интересу к его коняшке. Сиси – одно дело, она чилийка. А тут иностранка в седло лезет. Он идет к мирно пасущемуся животному, укорачивает стремяна. Ну, я, недолго думая, лезу на вроде бы совсем мирное животное. И вперед... А если вы не забыли, мы в лесу.

И вот эта красавица-морена как поскачет по лесным дорожкам, шут знает куда! Наверное, это была все-таки рысь... В данных природных условиях моя старушка на галоп бы не решилась перейти. Но мне как-то и этого хватило, чтобы вспомнить, что мои последние лошадиные экзерсисы были ой как давно.

¹⁴ Это правда (фр.)

Поначалу я еще попыталась перейти на «легкую рысь», привставая на стремянах. Но, осознав, что до правого стремени полноценно не достаю, бросила эти изощрения и постыдно ухватилась за седло. Ветки, летящие в лицо, в этот момент меня интересовали несильно, гораздо важнее было банально не вылететь из седла, а я, надо сказать, была вполне близка к этому. Потому, напрягая изо всех сил свои танго-мышцы, я вцепилась в лошадь ногами, левой рукой за седло, а правой натянула удила. Разворачиваю зверя на 180 и так нежненько направляю вперед в надежде на шаг. Какой там! В общем, не дожидаясь, пока моя задница окажется на земле неестественным для нее способом, я все-таки спешиваюсь самостоятельно.

Конечно, далеко мы не ускакали, но с моим топографическим кретинизмом пересечение нескольких троп и поворотов может быть фатальным. Обычно, бродя по лесу в одиночестве, я все время оглядываюсь, запоминая дорогу. Знаю, что лучше своей, так сказать, естественной ориентировке в пространстве не доверять. Но тут уж не до оглядываний, когда все твоё внимание сосредоточено на звере, зажатом между ног! Мне сразу вспомнился момент из фильма «Двое – я и моя тень», но, в отличие от него, мой «принц» сидел сейчас на полянке и не подозревал, какая дура влезла на его коняшку. А именно – дура с топографическим кретинизмом...

И вот мы с коняшкой бродим по тропам: я высматриваю следы копыт в дорожной пыли, определяя их направление, а она пытается прорваться к травке. Наконец я все-таки выруливаю к поляне. Там у машины на бревнышках вальяжно восседают мой гаучо и Мемо. Остальные ушли что-то доделывать в лесу. Ну вот, никто даже и не заметил моего отсутствия. Стоило переживать-то.

Мой рассказ о блужданиях в лесу крайне поражает старожилу.

– Ну, вы-то тут все места знаете, – оправдываюсь я.

– Да нет. Просто у меня есть собаки. Они всегда бегут впереди! – смеется чилийский ковбой.

В хозяйстве у него еще восемь лошадок. Эта оказалась почти ровесницей мне. Я даже не ожидала: для своего возраста она была чрезвычайно бодра.

– Мой сын не любит ездить верхом, – сетует гаучо.

Пока он рассказывает о своей жизни, во все глаза рассматриваю его. Взгляд у этих людей эль кампо чрезвычайно пронзителен, и у них очень интересные черты лица. Мне нравится запоминать людей так, как будто бы я мысленно рисую их портрет. Этот чилиец немного напоминает мне Смехова в роли Атоса.

– Сын-то помогает? – интересуюсь я.

– О да! Мы с женой можем просто отдыхать, лежа в своей постели, когда рядом такой сын! – делится он рассказом о семейной идиллии.

– А ты пробовала когда-нибудь чиво? – вопрошает гаучо.

– Чиво – это что? – смотрю я то на него, то на Мемо.

– Такое животное... Ну, лошадь, овца... А чиво поменьше овцы.

– Домашнее?

– Да, домашнее.

И тут я вспоминаю асадо на прошлой неделе. Точно, последнее-то было из чиво. Я прикладываю указательные пальцы к голове в виде небольших рожек.

– Такое?

– Да, – смеется гаучо, – такое! Это чиво.

И вновь на всю пампу звучит из открытых окон машины музыка мапуче вперемешку с «Пинк Флойдом». Закат. Ветра дуют с «лунной долины». А за ней, за последним холмом уже Аргентина. Хайайо говорит, что у многих местных фермеров там живет часть семьи и они ездят навещать родных по выходным. Посты и переправы находятся дальше, а здесь – просто сел на коня, ни паспорта, ни штампа и ты в Аргентине. Так я и знала, когда еще по Аргентине путешествовала, что эти скромные таблички в горах – пустая формальность.

Чиле-Чико

В пятницу взбушевалась моя мнительность и я отправилась искать стоматолога. До этого в путешествиях мне никогда не приходилось посещать местных врачей. Поэтому было очень любопытно: какие они, чилийские стоматологи? Али, девушка Марсело, посоветовала мне свою подругу. Забавно, приходя к врачу по рекомендации, при встрече целовать ее в щеку. Все-таки, несмотря на всю свою тактильность, в официальных учреждениях чилийцы чуть более сдержаны. Но она была подругой подруги.

Клиника оказалась, также как и большинство зданий в Койайке, небольшим двухэтажным деревянным строением. Несколько стульчиков, парта ресепшена и три-четыре кабинета. Рядом с кабинетами на втором этаже на стене висело распятие. Да, в который раз убеждаюсь в религиозности чилийцев. Мне кажется, повесь такое у нас в клиниках, половина пациентов в обморок от испуга попадала бы. Сразу вспомнилось, как дьякон Кураев рассказывал, что при каждом походе к стоматологу он представляет распятие на раме окна и молится. В Чили ему даже представлять бы ничего не пришлось.

Стоматолог Лилиана, веселая женщина средних лет, основательно простучала мою челюсть. Это давно забытое чувство, когда металлической палочкой долбят по зубам. Кажется, мои жевательные аксессуары давно не проверяли таким образом. Но в целом мне визит даже очень понравился, и, как и следовало ожидать, кто-то забил пожарную тревогу от дыма сигареты, а не пожара. Однако я решила, что лучше уж перед дальнейшими перемещениями перестраховаться. К тому же Койайке все ж как-никак административный центр, а на предстоящей ферме кто мне зубы простукивать будет?

В свои последние выходные в этом регионе я решила выбраться в Чиле-Чико. Это небольшой городок, расположенный чуть южнее Койайке. Чтобы добраться до него, нужно проехать часа два на автобусе, а потом примерно столько же на барке. Барочки ходят раз в сутки, соответственно, чтобы побывать в этом городке, нужно дня 2—3. А если еще и попытаться состыковать с другим городком, так и вообще неделя. Ибо вся транспортация здесь расписана не по часам, а по дням недели! Нет своего средства передвижения, тогда только по вторникам туда, а по пятницам обратно, а в соседнее место – только по средам и субботам, например. Ну и как это состыковывать? Понятно как – только автостопом. Так и поступает большинство местных путешественников. Кстати, чилийцы здесь так и говорят «транспортное средство» – испанское слово «коче», что означает в современном испанском «автомобиль», местные вообще не употребляют. Даже когда употребляю его я, замечаю небольшое напряжение на лицах некоторых участников беседы, как будто в разговоре они услышали полуиностранное слово, и это потребовало на долю мгновения больше для его понимания.

Все происходит как-то очень естественно. Выгружаемся из автобуса, покупаем билеты на лодку, ждем ее, загружаемся... ну как на городской автобус просто! Что меня поражает, здесь все помнят номера своих паспортов (карточек удостоверения личности). Почему-то их спрашивают при заполнении каждой бумажки. А я вот вечно начинаю рыться в рюкзаке в поисках распечатки с паспорта. Чилийцев в свою очередь поражает это. Как это не помнить номер паспорта?

Уже на кораблике вижу в торце коридора привычную табличку – фигурка в юбочке и подпись «дамы». Под этой вполне понятной для носителя большинства культур пиктограммой прикреплена еще одна, но рукописная, с размашистыми буквами, она гласит, также на испанском – «только для женщин». Видать, махо здесь крайне невнимательны к обозначениям на дверях, когда дело доходит до естественных потребностей.

Эта часть Чили создает ощущение Америки девяностых. Старые машины таких марок, что уже и не найти в производстве: черные раритетные харлеи, в машинах – кассетники! Я

просто млею от почти моих воспоминаний (хоть и никогда не бывала в США), как будто бы переместилась одновременно и по земному шару, и во времени. В барочке по телевизору крутят клипы с патлатыми курчавыми мужиками, зажигающими на остроугольных и плоских гитарах, рядом с ними скачут девочки в джинсах с высокой по современным меркам талией... Такое ощущение, что я перенеслась во времена своего детства, только будучи взрослой.

Чиле-Чико – полностью вымерший город. По крайней мере, таким он предстает мне субботним днем. Поначалу на улицах я встречала только людей с нашей лодки. Туристический офис, тур-информация и ресторанчики – все закрыто. Выходные же, объясняют мне. И никого не волнует, если туристы приезжают в город и в эти дни. Вот странные люди!

Есть рядом нацпарк, километрах в пятидесяти, но до него тоже ничего не ходит. Вот так, приехав на уик-энд без машины, что делать – вообще непонятно.

Я нахожусь где-то между Чили и Аргентиной, по крайней мере, мой телефон так считает, то предлагая мне вступить в аргентинский роуминг, то приветствуя меня с прибытием в Чили, а то и вовсе теряет сигнал.

Чиле-Чико расположен и вытянут вдоль берега гигантского озера. Половина этой водной мощи, питающейся от ледника, принадлежит Чили, а половина – Аргентине. В аргентинской части озеро носит имя столицы этой страны, а в Чили его называют озером Генерала Карреры (Lago General Carrera). Индейцы же, которые жили раньше на этих землях, величали его Челенко – Озеро Штормов. Однако мне это пугавшее непогодой уроженцев Патагонии озеро предстало спокойным и безумно-голубым, как цветы горечавки.

Основная достопримечательность города – оранжевая лестница, начинающаяся сразу за выходом из него, карабкающаяся на ближайшую горушку. В ней чуть более двухсот ступеней, они даже пронумерованы. Наверху – смотровая площадка и составленная из плитки роза ветров с флюгером в ее центре. Очень интересное сооружение. И в целом люди здесь, судя по всему, с фантазией. То, как они украшают свои дома и детские площадки, меня очень трогает.

Однако одной веселой конструкции на такое туристическое место маловато. Почти все частные дома здесь сдаются даже на одну ночь, а другие, те и вовсе – отели или хостелы. На улицах наблюдаю в основном бэкпекеров – туристов, путешествующих с рюкзаками. Латиноамериканцы, немцы, французы – типичный патагонский турсостав. И при всем при этом в выходной – ни одной открытой кафешки или туристического офиса. Ну где же логика?!

Пампа. Вдалеке призрачно-голубые, вблизи охристо-желтые, сероватые и кобальтово-зеленые скалы. Аргентина совсем близко – на горизонте виднеется та самая плоская скала, которую я так часто рассматривала на фотографиях, читая в свое время про этот регион. И здешняя пампа столь знакомая. Словно я никуда и не уезжала, а так и живу с самого ноября, когда впервые путешествовала еще по аргентинской Патагонии.

Я прохожу немного по дороге, каррете, как они тут ее называют, и возвращаюсь. Слегка утомительно все время чесать по проезжей части. Машин немного, но все равно я быстро устаю от этого. Вернувшись к розе ветров, я обнаруживаю, что вдалеке вдоль скалистого берега озера вьется дорога. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что она лежит вновь на частной территории. Ворота распахнуты, местность абсолютно безлюдна. И все же...

«Ладно, раз вы так, – думаю я, – пойду вдоль ограды». Продираясь сквозь кустарник, выхожу к скальному берегу. На мою удачу там оказывается небольшая тропка прямо вдоль скалы. Внизу плещется озеро, а с другой стороны теплая каменная стена. Я с интересом углубляюсь в новый, явно малохоженный путь. Где-то спускаюсь к воде, где-то вновь карабкаюсь вверх. Вечереет. Меня то орошает мелким дождиком, то припекает закатным солнцем. Они здесь чередуются раз в полчаса. От такой непостоянности небес меня постоянно клонит в сон. К тому же в большинстве мест достаточно ветрено, а это тоже обычно способствует последующему крепкому сну.

Наконец тропа упирается в скалу. Обойти ее можно только по воде. Рядом совсем неглубоко, но разуваться мне не хочется, да и время уже поворачивать. Но пока я брела и карабкалась по скалам, заметила вдали островок с маячком. Маяки – моя маленькая страсть. Посему решаю, что, если и завтра все также будет закрыто и не удастся купить экскурсию в нацпарк, вернуться сюда и пойду к маяку.

У дома, где я остановилась, натыкаюсь на запертую дверь. Стук ни в нее, ни в окно хозяйки результатов не дает. Донна Роса, тетя моего шефа Марсело, собиралась уйти на фьесту в честь женского дня, в восемь вечера. Но сейчас еще шесть.

Забавно, что в Чили восьмое марта тоже Женский день. Донна Роса в честь этого приглашена накануне вечером на праздник, который организывают мужчины для женщин города. Так вот!

Дом донны Росы – это маленький пансион. Несколько комнат, несколько чилийцев, которых я особо не вижу. Обеденная комната с круглыми столиками под кружевными скатертями. А в моей – покрывало и подушечки с вышитыми цветочками.

Я уже подустала, но делать нечего. На домашний телефон также никто не отвечает. Я отправляюсь бродить по городку. Он представляет собой одну длинную главную улицу от ворот до ворот, еще одну параллельно ей и набережной и несколько небольших секучих. Дойдя до другого конца главной улицы, я нахожу детскую площадку и устало приземляюсь на лавочку. В единственно открытом, наверное, здесь заведении, супермаркете, я разжила водичкой и печеньками, ими-то я и радую себя, рассматривая небольшую детскую площадку. Горка, качели и рисунки на стене. Рисунки презабавные! Картинки с подписями на испанском и на английском – бананы, паук, футбол... А еще земной шар с двумя указателями: один где-то внизу Южной Америки – «Чиле-Чико», а второй – в другой части земного шарика – «Великобритания». А на бордюрике – красочные отпечатки ладоней, как делали на скалах древние предки нативного населения здешних мест. Знаменитые пещеры и скалы с отпечатками рук находятся совсем недалеко отсюда.

Когда я возвращаюсь, все уже дома. Сразу после душа я буквально отключаюсь, лишь опустившись на кровать. Вечером донна Роса уходит, как и обещала. Все жилы уже разбрелись по комнатам. В моем распоряжении остаются около 30 чилийских каналов. А почему бы и нет? Впервые за много лет я смотрю телевизор. Диснеевский канал на испанском – это замечательно!

На маяк

Мои предположения подтвердились. Воскресное утро обнаружило абсолютно пустые улицы города. Как и вчера, все кроме соседнего супермаркета было закрыто. Да и там работали в четверть силы. Кассира пришлось ждать несколько минут. Одно-единственного из пяти возможных. Но вот я запаслась сыром, хлебом, шоколадом и водой. Цены тут меня не порадовали. Что забавно: граница с Аргентиной так близка, что в супермаркетах и магазинах Чили Чико принимают как чилийские, так и аргентинские песо.

Итак, я вновь взобралась на розу ветров, а затем углубилась в тернии кустарника, в поисках своей наскальной тропинки. Сегодня уже без лишних раздумий я сбросила обувь, затолкала свои туристические ботинки в рюкзачок и пересекла пространство, отделяющее меня от соседней скалы, по щиколотку в воде. Крайне довольная собой, я быстро водрузила ботинки на положенное им место и принялась карабкаться к своей цели. Но счастье мое продлилось недолго.

Через некоторое время я дошла до очередного скального обрыва. Вниз с него свисала металлическая веревка с петлей на конце. Петля предназначалась для подъема с другой стороны скалы. А с моей – нужно было спуститься с отвесного уступа по металлическому канату.

Я подползла к склону. Снизу продолжалась еще пару метров тропа, а затем упиралась в вертикальный зуб. С одной стороны его омывала озерная вода, с другой – виднелась расщелина. Ширину ее с моего уступа оценить не представлялось возможным. Вероятно, там и можно было пролезть, но наверняка я этого не знала. По воде обходить было глубоко.

Даже если я и спущусь в этого жгута, нет никакой уверенности, что мне удастся продолжить путь. А рисковать ради того, чтобы потом еще непонятно как лезть обратно с этой петлей, так и не дойдя до маяка, не хотелось.

В своих безумных вылазках по скалам я обычно, несмотря на желания вроде – забраться куда покруче, повыше и поинтереснее, я руководствуюсь еще одним принципом и одним опасением. Принцип – не залезать туда, откуда не смогу самостоятельно спуститься. Очень жизненно. Потому как забраться на почти отвесный склон для меня не такая уж задача, а вот спуститься оттуда – не так тривиально, без веревок тем более. А опасение заключается в том, что я ползаю везде одна и никто не знает где. Случись что неприятное, найдут меня нескоро.

Помедитировав еще некоторое время над веревкой, я решила воспользоваться обнаруженными давеча воротами. Узкая тропка вдоль скал уже казалась мне привычной и домашней. Если ворота, думала я, также как и вчера, открыты, пойду туда. Ну и что же, что это частная собственность. Мало мы ездили с моими рейнджерами по частной собственности, что ли, даже порой так и не встречая хозяев. А если и встречу, скажу ему: «Любезный дон, позвольте мне пройти сквозь ваши владения. Я иду лишь с целью любования этими невероятными пейзажами. Обещаю не оставлять мусора и вообще вести себя прилично». Думаю, он бы разрешил, а может, даже и пригласил бы распить с ним мате. С этими мыслями я продираюсь сквозь кустарник, густо населяющий местную пампу, и выхожу к деревянным воротам. Они открыты. Я ступаю на возделенную дорогу, оставляя совесть за низеньким заборчиком. Пусть отдохнет, намаялась со мной поди.

На развилке я обнаруживаю одну тропу, ведущую к хозяйскому дому, а другую – в сторону прибрежных скал, ее-то я и избираю. Возможно, мне и вовсе не обязательно кого-либо встречать здесь. Дорога вдруг начинает заворачивать и на спуске вниз стремится увести меня вновь к городу. Ну, нет! Я схожу с нее и устремляюсь в сторону маяка сквозь почти девственную пампу и скалы.

В течение часа я бреду по пустынным холмам, то поднимаясь, а то и карабкаясь, не оставляя из виду озера. Периодически попадаются пирамидки из нескольких камней. А на песке я

вижу относительно свежие собачьи следы. Вот и все признаки посещения этих земель. Местность кажется почти необитаемой. Наконец показывается островок с маяком. А внизу невероятно красивая бухточка, надежно скрытая в скалах. При жаркой погоде я, пожалуй, бы влезла в озеро. Но вода тут достаточно холодная, ведь питает его ледник. Потому лишь мочу ножки и отдыхаю, растянувшись в позе морской звезды, на гальке. Меня встречает череда тихих бухточек и восхитительные водные и скальные пейзажи. Ну и, конечно же, маяк со всех ракурсов. Жаль только, нет лодочки сплавить к нему.

Обогнув полностью большую бухту, я оказываюсь в низине около перевала; здесь маленький песчаный пляжик, а за ним подъем, заросший кустарником высотой мне примерно по пояс. Время уже поворачивать назад. Но мне во что бы то ни стало нужно пройти через этот перевал. Внутри стойкое чувство, что там, за ним, что-то очень важное.

Вот так, без троп, через буйную жесткую растительность я карабкаюсь наверх. Несколько раз приходится возвращаться и выбирать другой путь, так как не везде можно найти спуск.

Наверху под мощными ударами ветра сгибаюсь почти в пол своего роста, но продолжаю идти вперед. Нет уж! Так просто меня не взять. Коль мне приспичило заглянуть за перевал, я непременно туда дойду!

Высохшее русло, а потом опять кустарник. И вот я перехожу седловину. Я знала это! Мне нужно было сюда. Со скальной вершины, обрывающейся вертикально вниз к воде, видна бухта с маленьким островком посреди, а к нему от самой суши тянется узенькая полоска песка. Это был мой миниатюрный Монт-Сан-Мишель. Как будто тот монастырь с норманнских берегов, возвышающийся на клочке скалы, и мой скальный островок связывались с Большой землей лишь песчаной нитью. Как это было красиво! Я долго не могла покинуть свой насест кондора. И просто смотрела, как играет солнце на гребешках волн.

Возвращаться оказалось совсем несложно. Почему-то здесь я с легкостью находила свои тропы и правильные скальные переходы. Уже через час я увидела внизу за камнями дорогу. Все-таки интересно, куда же она там заворачивает. Пойду проверю. Дорога привела меня к небольшому пляжику у скал. Спускаясь ниже, начинаю предчувствовать, куда она идет. Неужели к тем самым камням, которые я не смогла пройти сегодня утром? Я сбегая по тропинке и начинаю скакать по скальным выступам и обломкам. Из-за очередного поворота показывается узкая вертикальная глыба. Точно, это же тот зуб с другой стороны. Как я и предполагала, за ним есть расщелина. Преодолеть ее можно только враспорку. Но меня уже не остановить. Чувствую, что еще чуть-чуть, и я замкну круг, я завершу его! Упершись бедром, ногой и рукой, враскоряку выталкиваю себя между скал. И вот она, железная петля покачивается у вертикального уступа. Ставлю левую ногу в стремя, ухватываюсь за трос рукой, отталкиваюсь, конечно же, влетаю всей поверхностью ноги в скалу – подумаешь! – уцепляюсь правой за уступ и вытаскиваю себя на скалу. Да, да, да!!! Я сделала это! На руках и прессе я выволокла свою тушку!

Круг замкнут. Я неспешно возвращаюсь по совсем уже знакомой дороге.

Завтра назад, в Койайке, как будто домой...

Shower girl

С утра я покупаю билет до Айсена. Мой автобус в полпервого. Корабль из порта Чакобуко, лежащего в часе езды от Айсена, отправляется только в восемь вечера, но зарегистрироваться нужно до четырех. Прикинув, что в общей сложности мне добираться около трех часов, я покупаю билет.

Сегодняшний автобус унесет меня из городка, где я прожила чуть больше трех недель. Накануне вечером мы собрались с коллегами дома у Марсело, ели пиццу, болтали о чилийской политике и прочей ерунде. Даже не верится, что вчера я обняла их в последний раз, не как обычно прощаясь до завтра, а прощаясь. Передо мной проплывают совсем уже родные пейзажи. Признаться, в последнее время я успела немного заскучать здесь, но отчего же теперь так тоскливо уезжать?.. Я знаю, что впереди меня ждет новое интересное приключение, но грустно ноет где-то в районе правого желудочка, а может, еще где. Я не очень сильна в анатомии тоски.

Успев подремать немного в автобусе, я вываливаюсь из него слегка на автомате и, вскинув на плечо рюкзак, перемещаюсь за угол к другому, уже минибасу. К этому времени в автобусике всего два свободных места. Я занимаю одно, а мой рюкзак депортируют на крышу. Последним пассажиром оказывается высокий чилиец средних лет. Я глазам своим не верю! Это тот самый помощник капитана, что спасал меня в душе по дороге сюда. Конечно же, он тоже узнает меня. Мы здороваемся как старые друзья и болтаем всю дорогу до порта. Невероятно! Из двух автобусов со стыковкой я выбрала именно те два, чтобы оказаться с ним в одном из них. Это просто магия какая-то!

На самом деле Гаспар является ответственным за часть команды, которая работает с пассажирами. На корабле чуть более 30 человек команды, из них 23 приводят машину в действие, а оставшиеся приглядывают за живым составом судна. Один из них – мой друг Крис, а Гаспар – его начальник.

Когда мы прибываем в порт, погрузка человеко-массы еще не началась, но я отправляюсь вместе с командой. Гаспар о чем-то говорит с парнем в окошке чек-инна, а потом, препроводив меня на судно, селит в первый класс. Я просто обалдеваю. Теперь у меня отдельная каюта со своим душем, столом и прямо напротив отсека команды. Ну, если я в прошлый раз еще не со всеми перезнакомилась, то, видимо, в этот точно завершу начатое.

На корабле совершенно неожиданно оказывается еще двое русских. Впервые вижу соотечественников в Чили. Это пожилая пара очень активных путешественников. Их представляет мне Крис. Видя мою активную коммуникацию с членами команды, мои новые знакомые поначалу решают, что я здесь работаю. Но когда мы садимся вместе обедать, они все-таки осознают, что я тоже пассажир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.